

Старая и новая
Казань:

Культурно-исторические
экскурсии.

1927

СТАРАЯ и НОВАЯ КАЗАНЬ

КАЗАНЬ
1927

К 9(с)1
С 77

Старая и Новая Казань

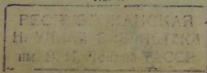
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ

СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. С. П. СИНГАЛЕВИЧА

Издание Академического Центра Татнаркомпроса
КАЗАНЬ
1927 г.

Издание напечатано под наблюдением П. М. Дульского
в школе Полиграфпроизводства имени А. В. Луначарского.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник—это книга, рассчитанная прежде всего на массового работника-просвещенца, на руководителя экскурсионной работы по старой и новой Казани. Своим содержанием она, бесспорно, не исчерпывает всего содержания „культурных“ экскурсий, какие могут быть проведены по Казани; равным образом, она не охватывает собой всех экскурсионных тем по материалу старой и новой Казани. Смысл работы—дать ориентировочные вехи экскурсионной практики, выявить ее процесс на основе наиболее типичного материала, показать методические линии экскурсионной практики. В этом отношении наша работа является именно ориентировочной, а не исчерпывающей материал. Само собой понятно то обстоятельство, что не все статьи настоящего сборника одинаково насыщены материалом, не все также охватывают однотипный

экскурсионный материал. Это объясняется двумя соображениями: с одной стороны, различием и особенностями самих экскурсионных объектов, освещаемых в отдельных статьях, с другой стороны, различной степенью научной разработки материалов, охватываемых представленными здесь статьями. Отсюда получалось то, что материал по культуре Казани XVI—XVII в.в., достаточно разработанный в краевой, а отчасти и общей литературе, естественно представлен в сборнике полнее; и здесь работа авторов соответствующих статей была не столько в том, чтобы собирать материал, сколько в том, чтобы марксистски осветить и экскурсионно выявить его (работа И. Андреевского). Если возьмем другой пример, материал по купеческой Казани XIX века, то окажется, что в существующей литературе он почти не разработан и автору соответствующей статьи настоящего сборника (В. Хвостов) пришлось провести совершенно самостоятельную экскурсионно-исследовательскую работу в этой области.

Почти все статьи настоящего сборника принадлежат молодым работникам Восточного Педагогического Института—отчасти преподавателям, отчасти ассистентам вуз'а.

Эти статьи вышли из кабинета методики обществоведения Института. Они являются первым образцом нашей работы; их достоинство в том, что материал статей проверен опытом живой экскурсионной практики; о недостатках их — пусть скажет свое слово об'ективная критика и в дальнейшем они будут исправлены.

Редакция.

ЭКСКУРСИИ В ПРОШЛОЕ

(Методическое введение).

Новая школа—это школа жизни, это прежде всего школа непосредственного изучения существующих в жизни, окружающих нас на каждом шагу объектов и явлений. Эти явления—одни связаны с современностью, другие своими корнями и своим происхождением уходят в прошлое. Но для изучения как той, так и другой группы явлений есть один основной метод—это экскурсионный метод, это путь изучения окружающих нас явлений и фактов через непосредственный подход к ним, через прямое восприятие изучаемых объектов. Но ясно, что в зависимости от характера изучаемых объектов будет различен тип и содержание экскурсионной работы. Живые факты складывающейся в наши дни культуры—вполне актуальны, процессы современной нам общественной жизни и трудовой деятельности проходят

на наших глазах; отсюда понятно то, что мы их можем изучить всесторонне, мы их можем наблюдать и обследовать в процессе их выявления, наконец, мы сами можем быть и всегда бываем соучастниками и творцами известной сферы жизни и производственного труда. И когда мы пытаемся экскурсионным методом обследовать, в известном разрезе, в известной небольшой сфере живую современность, когда мы намечаем для изучения небольшой пласт современной культуры, это совсем не трудно сделать, ибо современность сама о себе говорит на каждом шагу, говорит языком живых фактов и объектов, языком газет и журналов и т. д. Неизмеримо дальше стоит от нас то, что принадлежит прошлому: о фактах прошлого сохранились лишь остатки этого прошлого—остатки материальной обстановки и быта, письменные материалы и еще кой какие памятники отошедшей в прошлое культуры. Они уже не дышат живой жизнью, они безмолвны для того, кто не умеет к ним подойти, кто не знает, как вскрыть в них былую жизнь. Но никто не скажет, что эти немногие, пережившие свою эпоху остатки прошлого, не вызывают интереса у нас—современников другой эпохи, которая огненной гранью революции отделила

себя от прошлого. Мы часто наблюдаем, с каким серьезным интересом и целые группы и одиночки рассматривают памятники нашего Казанского Кремля, мы знаем, что никакому учету не поддается число экскурсантов, поднимавшихся на высоту Сююмбекиной башни, даже пустое подземелье — таинственный подземный ход в Кремле и то привлекает к себе группы экскурсантов. Нам вполне понятен этот интерес к прошлому: это не просто интерес к бьющим в глаза памятникам далекой старины; поскольку в современной культуре вообще мы находим мощные пласты прошлого, поскольку возрожденная революцией культура татарского народа должна искать и находить для себя здоровые корни в прошлом, постольку понятно изучение этого прошлого; изучение сохранившихся памятников культуры будет всегда как составным элементом учебной работы во всякой школе, так и материалом для специальной, исследовательско-краеведческой работы ученых.

Мы считаем бесспорным то, что наша местная старина — близкая и далекая от нас — должна быть внесена в оборот нашей школьной учебной работы, — она должно стать краеведческой основой учебной работы; изучение

культуры прошлого должно создать историческую перспективу для выросшей и все еще вырастающей из прошлого культуры настоящего. Это бесспорно. Но методически трудным и очень сложным является вопрос о том, как вводить в оборот учебной работы материал, даваемый памятниками прошлой культуры. Как методически правильно поставить экскурсии в прошлое? Когда к памятникам прошлого подходит экскурсант, неподготовленный к пониманию и восприятию прошлой жизни, создавшей те или иные памятники, последние будут молчать... Вросшие своими корнями в далекое прошлое, через века пронесшие и сохранившие (при том часто в искаженном виде) только свой внешний облик, хранящие в этом облике отпечаток другой жизни, другого быта, другой эпохи—эти памятники ровно ничего не могут сказать, если мы будем рассматривать их вне связи с основами жизни и культуры той эпохи, которая их создала. Никакая методика экскурсионной работы не может признать правильным и марксистски верным такой подход к памятникам прошлого. Диалектический метод требует, чтобы любое явление изучалось по связи его с другими явлениями эпохи, чтобы при

изучении одной стороны жизни вся действительность принималась во внимание, чтобы идея всеобщей связи жизненных процессов и явлений всегда направляла собой методику работы. Это значит, что в процессе экскурсионной работы мы должны изучить не сам по себе памятник и даже не просто изучить его на фоне жизни данной эпохи, но в самой тесной увязке его с современной жизнью. Т. е., в экскурсионной работе рассматриваемый памятник должен выступать и вскрываться перед экскурсантами не просто, как архитектурная единица; работу нужно так повести, чтобы данный памятник как можно больше рассказал о различных сторонах прошлой жизни, чтобы в процессе изучения его экскурсанты действительно почувствовали подлинное дыхание этой жизни и давно исчезнувшего быта. Конкретно это значит следующее. Если мы подводим учащихся к изучению до сих пор хорошо сохранившихся стен Казанского Кремля, то ясно, что мы должны рассматривать Кремль и его стены не просто, как архитектурный памятник; мы должны поставить работу таким образом, чтобы рассмотрение внешнего облика Кремля вызвало в сознании учащихся целый ряд жизненных

образов XVI—XVII в.в. и чтобы с последними так или иначе связывался наш основной экскурсионный объект. Так, мы можем рассматривать и изучать Кремль, как памятник военной истории своего времени; крепкие, закрывающие доступ в Кремль стены, грозный массив кремлевских башен, зубчатое прикрытие у верхней части стены,—все это легко создает впечатление о былых тревожных днях Казани, о военной борьбе здесь в прошлом. К этому мы присоединяем то, что по линии треугольника Кремлевский холм был плотно защищен Казанкой, Булаком и Тизицким оврагом—и тогда образ Кремля, как военного укрепления, получит полную жизненную выразительность. Но это не все: изучение кремлевских стен, как памятника военной истории, неизбежно и обязательно должно связываться с другими сторонами жизни той эпохи. Колоссальная мощность кремлевских стен, масштаб Кремля, наконец, его монументальный ансамбль в целом уже дают достаточный материал для суждения по вопросам экономической и политической жизни эпохи. Экономика полufeодальной, полуторговой эпохи, сила государства, шедшего навстречу требованиям торгового капитала, классовая политика

этого государства, начавшего борьбу за обладание востоком и торговыми путями на восток—все это также достаточно ясно должно вырисоваться в сознании учащихся на основе экскурсионного анализа кремлевских стен. Этих конкретных справок достаточно для обоснования выдвинутой нами мысли о том, что на основе определенного экскурсионного объекта не только необходимо изучить все проявления жизни эпохи, но в процессе экскурсионной работы ясно ощущать связь между отдельными сторонами изучаемой жизни.

Из такого понимания экскурсионной работы с полной отчетливостью вырисовывается основной методический принцип ведения экскурсий в культуру. Именно—нельзя смотреть на эти экскурсии, как на образовательную работу, дающую материал, просто иллюстрирующий известные факты и процессы прошлого, уже ранее изученные и знакомые детям из книг. Образовательная ценность культурно-исторических экскурсий иллюстративного типа слишком невелика; в них нет подлинного образовательного процесса работы; при них создается подход к памятнику прошлого с заранее из книги усвоенными точками зрения. Здесь почти

не будет новой образовательной работы учащегося, она будет заменена книжным знанием. В той постановке работы, какую мы считаем методически целесообразной, должен быть как раз обратный подход к экскурсионному объекту; последний должен служить не для иллюстрирования того, что усвоено из книги, а он должен дать материал и основу для большой самостоятельной работы учащихся. Задача работы заключается в том, чтобы поставить ученика лицом к лицу с экскурсионным объектом, дать ему импульс к работе над последним и заставить его самостоятельно подойти к изучению прошлой жизни на основе анализа этого объекта. Поэтому роль экскурсионного объекта здесь заключается не просто в том, чтобы конкретизировать собой определенные факты эпохи, но в том, чтобы в связи с анализом памятников, действительно „реставрировать“ это прошлое во всех его проявлениях, чтобы на основе изучения памятников старины, в сознании учащихся выросли и вырисовывались целые жизненные картины прошлого. Само собой понятно, что такая работа будет опираться на результаты всей предыдущей образовательной работы ученика, она будет

опираться на общий уровень развития и подготовки ученика, но она, безусловно, не будет простым дополнением или повторением того, что просто усвоено из книги.

Бесспорно, что такая постановка экскурсионной работы дело трудное и методически очень тонкое. Здесь большая и трудная задача стоит перед руководителем экскурсии: нужно правильно, умело „показать“ экскурсионный объект, при „показывании“ нужно выделить в нем такие черты и особенности, которые сами расскажут экскурсантам о прошлом, которые в процессе коллективного рассмотрения и обсуждения экскурсионного объекта, постепенно будут выявлять и вырисовывать перед ними факты и процессы прошлого. Вот почему так важно правильно „показать“ экскурсионный объект; это значит сразу же поставить экскурсионную работу на верный путь. Но отсюда не следует, что роль преподавателя-руководителя экскурсионной работы при всех условиях будет пассивна. Ясно, что чем больше говорит о прошлом изучаемый памятник, тем меньше о нем „рассказывает“ руководитель экскурсии, но если экскурсионный материал недостаточен, если в памятнике прошлого следы изучаемой эпохи уже стерлись

временем или разрушились действиями позднейших поколений, здесь необходимы будут устные дополнения, документальные обоснования фактов прошлого, которые даются преподавателем. При экскурсионном изучении старой и новой Казани такие дополнительные сообщения преподавателя в известные моменты работы бесспорно будут очень значительны. Так, когда мы пытаемся проработать экскурсионным путем тему „Октябрь в Казани“, здесь в большом количестве будет привнесен в работу дополнительный, мемуарный, газетный материал. Поскольку с изучением „Октября в Казани“ экскурсионно могут быть связаны только узловые пункты борьбы рабочих за власть, весь остальной материал, обрисовывающий ход и важнейшие этапы этой борьбы, привносится в работу в виде дополнительных сообщений преподавателя, конкретизируемых планом-картой Казани и ее окрестностей. Иное дело, когда мы экскурсионным путем прорабатываем тему „Купеческая Казань XIX—XX в.в.“; здесь в центре внимания стоят один—два типичных купеческих дома, с дворами, надворными постройками, обширными складами—и весь этот материал сам по себе может

достаточно порассказать о былой жизни и хозяйственном быте казанского купечества. Но независимо от того, больше или меньше вводится в экскурсионную работу устных или документальных дополнений, сообщаемых преподавателем, они должны быть так даны, чтобы ими не подавлялась самостоятельная работа учащихся. Методический смысл этих дополнений заключается в том, чтобы давать живой импульс самостоятельной работе учащихся, их назначение в том, чтобы будить мысль ученика и наталкивать его на улавливание новых и новых сторон экскурсионного объекта, но работа преподавателя ни в каком случае не должна создавать угрозы ученической самостоятельности в экскурсионной работе. От этой именно опасности настойчиво предостерегает руководителей экскурсии методическая литература. „Наиболее часто встречающаяся ошибка руководителя сводится к тому, что он не столько—, „показывает“ экскурсионный материал, сколько рассказывает о нем, т. е. гасит самостоятельную работу экскурсантов, превращая экскурсию в лекцию с иллюстрациями“¹. Чтобы роль

¹ Гейнике, Культурно-исторические экскурсии, М. 1923, ч. 1, 31 стр.

руководителя экскурсии не была подменена ролью лектора, ему необходимо самому возможно меньше рассказывать о памятниках прошлого и их эпохе, а наоборот, так уметь „показать“ памятник прошлого, чтобы сам он мог рассказать экскурсанту о прошлой жизни.

Особо стоит вопрос о цельности экскурсионного сюжета, раскрываемого в ходе экскурсии. С точки зрения методики экскурсионной работы—это большой и в высшей степени существенный вопрос. Поскольку в процессе экскурсионной работы должна изучаться большая полоса прошлой жизни и при том во всем ее целостном охвате ясно, что изучение ее должно быть дифференцировано и разграничено по эпохам. Не нужно доказывать того, что в экскурсионной работе не будет требуемой системы, если в процесс экскурсионной работы по изучению казанской жизни XVI века будут вклиниваться объекты XIX века. Цельность и методическая выдержанность экскурсионной работы достигается на основе осуществления двух основных методических требований: во-первых, правильной постановкой и правильной последовательностью экскурсионных тем, и во-вторых, правильным выбором экскурсионного маршрута—соответственно

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. В. И. Ленина ТАССР

8688-42

поставленной теме. Подбор экскурсионных тем в значительной степени определяется наличием тех экскурсионных объектов, которые могут быть взяты в оборот работы, но самая постановка экскурсионных тем, намечаемая в связи с наличием тех или иных объектов, должна отвечать определенным методическим требованиям. Экскурсионные темы так должны быть сформулированы и выражены, чтобы в них, как основных вехах, отражались большие, но цельные периоды прошлой жизни данной местности и края. С этой точки зрения, если мы намечаем экскурсионное изучение старой и новой Казани, то весь экскурсионный материал мы так разбиваем на отдельные темы, чтобы последовательная проработка их дала возможность раскрыть основные и типичные этапы прошлой жизни края и при том на фоне исторического развития всей страны и по связи с ним.

В нашем опыте изучение старой и новой Казани намечается по следующим экскурсионным темам—эпохам: 1) Территория Казани XVI века (топографическая и бытовая тема). 2) Жизненный облик Казани XVI—XVII в. в. 3) Западная культура и барокко в Казани XVII—XVIII в. в.

4) Дворянская Казань XVIII—XIX в. в. 5) Купеческая Казань XIX—XX в. в. 6) Октябрь в Казани. 7) Современная Казань. Само собой понятно, что при экскурсионной разработке намеченных здесь отдельных периодов прошлой жизни края, в зависимости от количества и экскурсионной выразительности материала, одни эпохи будут изучаться глубже и всестороннее, может быть, с выделением детальных экскурсионных тем, другие же эпохи, поскольку для них экскурсионный материал ограничен не могут быть изучены так основательно. Так, мы учитываем методическую возможность детализации большой экскурсионной темы „Жизненный облик Казани XVI—XVII в. в.“; здесь допустимо выделение и проработка самостоятельных тем, связанных с определенным памятником прошлого, например, — „Сююмбекина башня“ (историко-бытовая тема с уклоном в изучение татарского фольклора), здесь же мыслимы частичные темы, просто об'единенные бытовым сюжетом, напр., „Торговая Казань XVI в. (экономико-бытовая экскурсия по Гостинному двору)“. С другой стороны, мы учитываем, что недостаток экскурсионного материала для разработки вопроса о жизни

Казани конца XVII и начала XVIII века не только не позволяет детализировать данную тему, но проработку ее ограничивает очень узкой сферой архитектуры начала XVIII века и требует дополнений в виде устного сообщения руководителя или документального материала, им же подобранныго.

Во всяком случае в опыте намеченной здесь постановки экскурсионных тем по старой и новой Казани достаточно отчетливо выясняются выдвинутые нами методические принципы, а именно: 1) темы отличаются достаточной внутренней цельностью, они не только отмежевывают одну эпоху от другой, но в основу содержания всех тем положен определенный жизненно-бытовой материал, 2) они так поставлены, чтобы в процессе их экскурсионной проработки были выявлены основные этапы исторического развития Казани и края.

С вопросом о подборе экскурсионных тем связывается вопрос о правильном выборе экскурсионного маршрута. Методика экскурсионного дела указывает, что маршрут каждой отдельной экскурсии должен быть выбираем таким образом, чтобы материалом памятников, входящих в маршрут не только

было раскрыто содержание экскурсионной темы, но чтобы линией маршрута были охвачены и самые существенные для выявления темы памятники. Отсюда вытекает дальнейшее требование: при наличии большого количества однотипных памятников в состав экскурсионного маршрута включаются несколько, совсем немного, но самых типичных памятников и при том таких, которые дадут возможность изучить и выявить все стороны жизни эпохи. Вот почему, например, с этой точки зрения в экскурсионный маршрут „По дворянской Казани“ мы, из обильного количества прекрасно сохранившейся классической архитектуры Казани, включаем три-четыре памятника и на основе их анализа выявляем отдельные черты жизни и быта дворян. И вообще поскольку наши экскурсии — культурно бытового, а не архитектурно-археологического типа, нам нет никакой необходимости охватывать экскурсионным маршрутом все памятники данной жизни.

Есть и другая практически-методическая сторона в вопросе о выборе экскурсионного маршрута. Я имею в виду вопрос о линии самого маршрута, об исходных и конечных пунктах и путях маршрута. Поскольку все

наши экскурсии в прошлое—это экскурсии по большому городу, линия движения экскурсии должна так намечаться, чтобы не только получилась максимальная экономия в передвижении экскурсионной группы, но чтобы не было больших и длинных переходов без относящегося к экскурсионной теме материала. Оба эти положения бесспорны, ибо утомляемость, получающаяся при длительных экскурсионных передвижениях понижает качество работы; это одно, а другое—то, что длительные переходы всегда будут нести с собой опасность вклинивания и врезывания в прорабатываемую экскурсионную тему постороннего ей материала. Существенным является вопрос об исходных и конечных пунктах экскурсии. Выбор их ни в каком случае не должен носить элементов случайности, они обязательно должны намечаться в соответствии с характером освещаемой темы. Исходный пункт должен дать завязку экскурсионного маршрута, и при том так, чтобы в дальнейшем развитии экскурсии постепенно получалось более полное выявление экскурсионного сюжета; конечный же пункт экскурсии должен намечаться таким образом, чтобы в нем можно было закруглить и обобщить экскур-

сионный материал всего маршрута и, таким образом, подвести итог всей экскурсии. В соответствии с этим, когда мы проводим экскурсию по территории старой Казани XVI в., исходным пунктом нашей экскурсии будет Ленинский сад и в дальнейшем экскурсионный маршрут будет строиться таким образом, чтобы примерно по линии старой Казани подойти к Кремлю. Но ни в каком случае эту экскурсию не следует начинать с Кремля, ибо в Кремле старая Казань будет вся сразу дана, динамики экскурсионной работы не будет, экскурсия из Кремля к Ленинскому саду окажется уже теперь мало содержательной. С другой стороны, Кремль в указанной экскурсии окажется очень существенным, как конечный пункт в экскурсионном маршруте, ибо именно на нем удобнее всего подвести итоги и обобщить материал данной экскурсионной темы.

Таковы основные методические вехи, по которым должна строиться и направляться экскурсионная работа по старой и новой Казани.

Проф. С. Сингалевич.

ТЕРРИТОРИЯ СТАРОЙ КАЗАНИ (XVI в.).

Современная Казань, с многочисленными прилегающими к ней слободами и „новыми стройками“, широко раскинулась по холмам и оврагам обширного треугольника, заключенного между реками Волгой и Казанкой. Если мы поднимемся на Сююмбекину башню или колокольню Благовещенского собора, то мы с трудом уловим смутные очертания восточных и юго-восточных окраин города.

Не так велика и разбросана была старая татарская Казань 16 века. Поднявшись на тогдашние кремлевские стены или взобравшись на одну из их башен, мы могли бы единым взором окинуть пышную столицу Казанского ханства с ее „палатами царскими и мечетями, зело высокими, мурованными“.

Казань 16 века, как и все более значительные старинные города, имевшие стратегическое значение, состояла из двух основных частей: из собственно города (или

крепости, кремля, детинца) и посада, т. е., поселения, лежавшего вне крепостных стен, но в свою очередь также укрепленного и обнесенного стенами. Первый был наиболее древним, начальным местом поселения; второй возник позднее и рос постепенно, по мере роста силы и значения города, как торгового, административного и военного центра.

Чтобы познакомиться с местоположением и размерами старой Казани, выберем не жаркий солнечный весенний или летний день и совершим экскурсию по тем местам, где пролегли когда-то старые посадские стены нашего города, пройдемся по Кремлю, поднимемся на его стены и отсюда мысленно попытаемся представить себе старую Казань.

Наш обход территории старой Казани мы начнем от недавно разбитого Ленинского сада. Здесь в 16 веке кончался посад и проходили восточные стены его укреплений, которые дальше на север шли по направлению к Державинскому саду, а на юг, через холм, мимо Старой клиники Университета и дальше по обрыву холма Чернышевской улицы и по Университетской улице вплоть до Мало-Проломной, где они поворачивали на запад.

Посад, как и Кремль, были защищены толстыми деревянными стенами. Стены эти представляли из себя большой дубовый сруб, шириною в восемь метров, наполненный внутри песком и камнями, которые плотно утрамбовывались. По стенам свободно могли двигаться воины и обстреливать, в случае надобности, приближавшегося врага, осыпая его дождем стрел, камней и т. под. Для прикрытия от обстрела со стороны нападавших, по верху стены, с ее наружного края, был сделан деревянный заслон почти в рост человека. В нескольких местах, наиболее уязвимых, были сооружены башни, которые представляли собой такие же четырехугольные срубы, поставленные на стену. Стены были настолько высоки, что взобраться на них можно было только по лестницам. Подставить же последние было делом не легким, так как со стен бросали камни, лили кипяток, кипящую смолу и т. д.

С наружной стороны вокруг стен во всю их длину был прорыт глубокий и широкий ров, который затруднял подступы к стенам. В более позднее время, в виду минования надобности, ров этот был засыпан. Отсюда происходит название Засыпкиной улицы.

В городской стене было несколько ворот, через которые город сообщался с внешним миром. Во время осады отсюда делались вылазки.

Неподалеку от Ленинского сада в 16 веке находились Царевы и Арские ворота. Первые были расположены в районе Старой клиники, вторые—в районе Державинского сада. От Арских ворот начиналось так называемое Арское поле, которое занимало довольно большое пространство в районе теперешних улиц Большой Красной, Карла Маркса и Галактионовской (бывш. Лядской). Во время осады Казани в 1552 г. на Арском поле происходили кровопролитные стычки между татарами и русскими. В этом месте городские стены шли по сравнительно низкой и ровной местности и потому были более доступны штурму, который в октябре 1552 г. и начался именно здесь.

За Арским полем тянулись дремучие леса, которые уходили далеко на восток и юго-восток. Русская и Немецкая Швейцария, сад Вост. Педагогического Института и сад Эрмитаж являются жалкими остатками того лесного царства, которое некогда простиралось здесь и которое до сих пор составляет славу многих заволжских мест.

Из Ленинского сада мы пойдем через Державинский сад на Попову гору и дальше в том направлении по которому шла в 16 веке городская крепостная стена. Направление ее было таково: с Поповой горы стена спускалась в овраг теперешнего Кошачьего переулкa, а затем поднималась на Нагорную улицу, вдоль которой шла вплоть до Пятницкой церкви. В этом месте стена была мало доступна для нападения, так как шла по краю возвышенности, крутым обрывом спускавшейся к реке Казанке (и теперешний спуск с Нагорной улицы в Засыпкину значительно крут), что создавало прекрасные условия естественной защиты.

От Пятницкой церкви стена опять спускалась в ложбину, идущую в настоящее время от бугра Чернышевской улицы по направлению к коммунальной мельнице на р. Казанке. Эта ложбина была частью глубокого оврага, который окружал Кремлевский холм. В ней, вблизи теперешней Засыпкиной улицы, в 16 веке находилось Поганое озеро, о котором упоминают участники Казанского похода.

Пройдя эту ложбину, стена поднималась по кремлевскому бугру и здесь, около

теперешних Пятницких или Консисторских ворот, она примыкала к кремлевской крепостной стене.

Мы подошли к Кремлю, к его каменным белым стенам, от которых веет глубокой стариной. Но стоя здесь, в низине, мы не можем охватить нашим взором всего Кремля и почувствовать его величавой красоты. Казанский Кремль особенно хорош на расстоянии.

Когда вы приближаетесь к Казани со стороны Волги или идете к ней по дамбе из Слободы Восстания (быв. Козья Слобода), перед вами открывается прекрасный вид на Кремлевский бугор, окаймленный белыми стенами, ровная линия которых время от времени прерывается стройно поднимающимися вверх башнями. За стенами виднеются, сияя на солнце золотыми макушками, многочисленные главы церквей. А над всеми ими царит красавица-башня Сююмбека.

Все, что невольно привлекает ваш взор к себе в этой яркой картине Казанского Кремля, является памятниками более позднего времени, чем эпоха Казанского царства, за исключением лишь башни Сююмбеки. Так, современные каменные кремлевские стены были построены уже после

завоевания Казани. А большинство кремлевских строений—памятники совсем недавней эпохи.

Поднимемся на улицу Чернышевского (быв. Воскресенскую) и остановимся на несколько минут на площади Первого мая. Прямо перед нами будет возвышаться Спасская башня с изящно-строгими очертаниями своих прямых линий и шатровым покрытием. По правую сторону от нее в стене проделаны широкие аркообразные ворота (Спасские), ведущие внутрь Кремля. Ворота эти очень поздней постройки; они пробиты в половине 19 века. Раньше вход в Кремль со стороны Чернышевской улицы шел под самой Спасской башней, как это можно видеть по сохранившимся в самой башне сводам ворот, а так же по изображениям на старинных гравюрах. Находящаяся перед нами часть кремлевских стен, протяжением до 600 метров, прилегающая к Спасской башне с той и другой стороны, будет на и более древней их частью. Крепостные стены татарской Казани были деревянными и сильно пострадали от подкопов и штурма 1552 года. Через четыре года после взятия Казани было приступлено к постройке новых стен, так как стратегическое значение города

продолжало оставаться весьма значительным и после покорения его Москвой.

Из Пскова были выписаны искусные мастера строительного дела, которым и была поручена постройка новых стен. Стены возведены были частью каменные (в восточной и юго-восточной стороне крепости), большею же частью деревянные, дубовые (протяжением до 1200 метров). Таким образом, вся длина кремлевских стен во второй половине 16 века составляла около 1800 метров. Таковы были размеры Казанского Кремля в период Московского владычества.

Старая татарская крепость была несколько меньших размеров, насколько об этом можно судить по находкам остатков прежних деревянных крепостных стен внутри современного Кремля. Эти остатки обнаружены были, например, на месте нынешнего военного училища во время рытья грунта для закладки фундамента.

С площади Первого мая пойдем влево от Спасской башни и обогнем кремлевские стены со стороны бульвара (за последнее время, к сожалению, совершенно запущенного) и дойдем до Тайницкой башни, через ворота которой мы сможем подняться в Кремль с противоположной стороны.

С бульвара открывается живописный вид на окрестности Казани. Перед вами пейзаж, окаймленный волжскими горами и зеленью пригородных рощ, в центре которого ярко выделяется белая пирамида памятника, построенного в первую половину 19 века в память покорения Казани. Пейзаж этот особенно красив во время весеннего половодья, когда волжская вода заливает всю южную, западную и северо-западную низину, прилегающую к Кремлевскому холму, образуя целое море, и катит спокойные свои волны к нашим ногам.

Каменные стены этой части Кремля постройки 17 века, к тому же не раз подновленные и реставрированные. Казанский Кремль и после покорения Казани не раз подвергался нападениям; особенно сильно его стены пострадали во время его осады Пугачевым в 1774 году.

Теперь войдем через Тайницкие (в древности Муралеевы) ворота внутрь Кремля и, взяв налево и пройдя через совнарком. садик, поднимемся на крепостную стену и пройдем по ней до Тайницкой башни. С этой башни мы можем обозреть всю территорию современного нам Кремля, которая, как уже упоминалось выше, лишь немного больше территории старой татарской крепости 16 века.

Название башни и ворот (Тайницкие) происходят оттого, что в старину здесь проходил потайной подземный ход к ключу, из которого осажденные казанцы пользовались питьевой водой, так как в самом городе хотя и было много озер—Черное, Банное (на месте тепершнего цирка), Поганые (около Засыпкиной улицы, в низине под крепостной стеной, около Ленинского сада и др.), но вода в них была непригодная для питья и пользование ею вызывало эпидемические заболевания.

Во время осады 1552 года ключ этот и потайной ход к нему были взорваны московскими войсками, что заставило казанцев пользоваться водою из озер, а это повело к тому, что, по словам одного из участников осады, „люди пухли и умирали“. Еще несколько лет тому назад над этим ключом стояла часовенка и из него брали воду; в настоящее время ключ этот совершенно заброшен.

Современный Кремль занят различными зданиями, в которых размещены центральные учреждения ТССР, а также церквями. От времен татарской Казани здесь, можно сказать, почти ничего не уцелело. К памятникам Казанской татарской старины

можно отнести лишь Сююнбекину башню да находящиеся около здания Совнаркома остатки Муралеевой мечети, которая была при постройке быв. губернаторского дворца обращена в дворцовую церковь (ее нижняя часть и считается остатками Муралеевой мечети).

Полюбовавшись общим внутренним видом Кремля, который не лишен своеобразной прелести, спустимся с Тайницкой башни и пройдем вдоль Кремлевской стены по направлению к Засыпкиной улице. С высоты кремлевской стены нам удобно будет еще раз бегло обозреть направление посадской стены, опоясывавшей собой старую Казань— посад с северо-восточной стороны, и отсюда можно ясно подметить стратегическую выгоду положения города.

Дальше наш путь лежит к Спасским воротам, откуда мы начали осмотр Кремля. Но пройти вдоль всей кремлевской стены вплоть до Спасских ворот нельзя. Поэтому мы должны спуститься обратно в совнаркомский садик и пройти отсюда к Спасским воротам по единственной широкой кремлевской улице, пересекающей территорию Кремля по прямой линии от Спасских ворот до Тайницких. Длина этой улицы около 500

метров, Кремль 16 века имел еще две улицы: одна проходила около здания теперешнего Совнаркома, а другая сзади здания военной школы. Эти улицы соединялись несколькими переулками.

Когда мы подойдем к Спасским воротам, перед нами откроется вид на Чернышевскую улицу, прямой линией убегающую вдаль. Улица эта стрелой протянулась по хребту холма, который, с одной стороны, довольно круто спускается к Большой Проломной улице, с другой, несколько более полого к Черноозерской ложбине и заканчивается крутым обрывом около Рыбнорядской улицы. Этот холм был центральным местом старого казанского посада.

Поднимемся на Спасскую башню и с высоты ее бросим общий взгляд на расположение южной и юго-восточной части древнего казанского посада. В 16 веке Кремлевский бугор отделялся от Чернышевского холма глубоким Тезицким оврагом, который огибал старинную Казанскую крепость от Булака до реки Казанки, образуя естественный ров для крепости. Через этот овраг был перекинут деревянный мост, соединявший Кремль с посадом. В настоящее время овраг этот засыпан, и Кремлевский

бугор образует единое целое с Чернышевским холмом. Но еще в конце 19 века при в'езде в Кремль, около Спасских ворот со стороны улицы Чернышевского, находился деревянный мост, как пережиток и свидетель топографии старой Казани.

Прямо перед нами находится здание обширного Гостинного двора, к которому с южной стороны примыкает когда-то шумливый Толчек. В 16-м веке на том же самом месте находился рынок, самая оживленная и бойкая часть тогдашнего города. Казань и в ту отдаленную эпоху была крупным торговым центром, одним из немногих на великом волжском пути. Возникнув вблизи знаменитого города Булгар, столицы Булгарского царства и центра восточно-европейской торговли, подчинив его впоследствии себе, Казань унаследовала от него и первенство в торговле среднего Поволжья и Прикамья. По удобному волжскому пути сюда ежегодно приходило по несколько сот судов с разнообразными восточными товарами. Казанские ярмарки привлекали к себе купцов из далекой Персии, Армении, Аравии и Московии.

По близости от рынка были расположены дома казанского торгового люда, а дальше

тянулась прихотливо запутанная сеть небольших кривых улиц и переулков.

Со Спасской башни открывается красивый вид на Волгу, на город и его окрестности.

В южной части посада его стена начиналась приблизительно около круглой, соседней со Спасской, башни и шла по южному склону Чернышевского холма через теперешний Толчок и Мало-Проломную улицу, откуда она затем поднималась по Университетской улице и шла по крутому обрыву около Рыбнорядской улицы в направлении к Старой клинике (см. выше).

Вне посада, около его стен, было разбросано несколько слобод и предместий, жители которых во время осады спасались за городскими стенами. Некоторые из этих слобод находились на территории узкой полосы между городской стеной и речкой Булаком; последний служил для них естественной защитой, образуя довольно большой ров с водой, так как был „речка зело тиновата и непроходима.“

Спустившись со Спасской башни, мы направимся через Толчек к Мало-Проломной улице, пройдем по ней и затем через Университетскую улицу поднимемся к Старой

клинике, а оттуда спустимся в Ленинский сад, откуда мы начали обход территории старой Казани. Проходя по Университетской улице, обратим внимание на крутизну обрыва Чернышевского холма по направлению к Рыбнорядской улице, и нам станет совершенно ясно, насколько старая Казань была недоступна в этой своей части.

Мы замкнули линию расположения старых крепостных стен татарской Казани и обошли всю ее территорию. Присядем на одну из скамеек Ленинского сада, чтобы немного отдохнуть после нашего довольно длительного хождения по границе старой Казани, и несколько разберемся в вынесенных нами впечатлениях.

М. Бушмакин.

ОБЛИК КАЗАНСКОЙ ЖИЗНИ

в XVI веке*.

• Казань в XVI веке была не только городом, т. е. укрепленным военным и торговым центром, но и столицей Казанского ханства. Жизнь города, как столицы государства значительно полнее и многограннее сравнительно с жизнью обыкновенного города. Чрезвычайно важна и эпоха XVI века для

* М. Худяков—Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923 г.

Н. А. Фирсов—Положение инородцев Сев. Вост. России в Московском государстве. Казань, 1866.

Г. Перетяткович—Поволжье в XV и XVI в.в. Москва, 1877.

П. Заринский—Очерки древней Казани. Казань, 1877.

Н. Н. Фирсов—Чтения по истории среднего и нижнего Поволжья, 2 изд. Казань, 1921 г.

Материалы по изучению Татарстана. Сборн. статей. Изд. Казанского Бюро Краеведения вып. II. Казань, 1925 г.

Н. Н. Фирсов—Прошлое Татарии, Казань. 1926 г.

Казани, когда мы наблюдаем здесь проявление всего могущества Казанского ханства, его беспощадную борьбу за свою самостоятельность, его падение под ударами экономической политики Московского государства и медленное умирание татарского государства в течение всего XVI века с целым рядом вспышек, подобных агонии умерщвляемого организма.

Эта эпоха коренного политического переворота внесла чрезвычайно существенные видоизменения в жизнь города Казани. Завоевание последней совершенно изменило ее облик, переставив общественные группировки так, что татары из состояния господствующего населения превратились в покоренное и подчиненное во всех отношениях и московскому торговому капиталу и московскому служилому классу.

I.

Социально-экономический строй Татарской Казани.

Действительно, каждому известно, что в эпоху самостоятельности Казанского ханства в городе Казани господствующее положение занимали придворные люди, помещики, мусульманское духовенство и отдельные

представители торгово-промышленного мира, или вернее — торгово-ремесленного, поскольку термин „ремесленный“ более соответствует состоянию техники производства в первой половине XVI в. Во главе правительства стоял хан, в принципе неограниченный в своих правах и действиях; но этот принцип нарушался в XVI веке довольно часто в связи с усилением сословно-феодальной дифференциации и в зависимости от исхода борьбы партий, группировавшихся около ханского трона. Эпоха русского протектората (1487—1521 г.г.) и национального возрождения (1521—1550 г.г.) соответственно периодизации М. Г. Худякова, особенно богата этой борьбой партий, из которых должны быть отмечены по различию их ориентации во внешней политике, — русская, нагайская, крымская и др. Участвовавшие в XVI веке политические перевороты в Казанском ханстве всего больше выражались в городе Казани и интересовали все господствующие слои ее населения. Служба при ханском дворе, привилегии и опалы, ссылки, казни, помилования и пожалования, — все это сменяется и об'единяется в пользу одних за счет других представителей указанных партий. Интересы эмиров,

князей и помещиков, военного сословия — огланов и казаков, а вместе с тем чиновников и духовенства, в течение всей первой половины XVI века сосредоточивались вокруг этой борьбы партий, вокруг интересов служебного и личного характера, тем самым заполняя основные моменты своей жизни в столице Казанского ханства. Слишком частые войны, характерные для военно-феодального государства, каковым было Казанское ханство, при осложнившейся политической ситуации в связи с агрессивной политикой Московского правительства, милитаризовали помещичий класс и задерживали культурное развитие города и населения.

Духовенство, не в пример прочим сословиям, поддерживало всегда политику сильнейшей партии и этим спасало свое выдающееся положение, особенно в гор. Казани. Сейды, шейхи, муллы, абазы, шейхзады и муллазады, составляя в совокупности мусульманское духовенство, пользовались большими духовными и материальными привилегиями. Владея огромными землями, распоряжаясь колоссальными богатствами, высшее духовенство в особенности, находилось, можно сказать, даже в лучшем положении, что в Московском государстве. И внешне

это выражалось чрезвычайно ярко, по восточному; хан, где-либо встретив сейда, должен был целовать его руку и тем самым оказать свое преклонение перед высшим духовным лицом. Все прочие целовали лишь край его одежды. Редко наблюдалось расхождение в политике сейда и хана; по крайней мере, известен лишь один случай, когда сейд был убит за то, что намеревался лишить жизни и не допустить до престола хана Сафа-Гирея.

Выразителем оживленности политических интересов в столице Казанского ханства было особое собрание законосовещательного, а иногда и законодательного характера под именем курултай. Но собиралось оно только в чрезвычайных случаях, было не постоянным институтом, но, повидимому, весьма важным. Собирали его для санкционирования решений правительства, вернее—проектов этих решений, относительно заключения мира, объявления войны, выборов хана и др. вопросов чрезвычайной государственной важности. *

* Постоянными распорядительными и законодательными органами в ханстве были хан и совет карачиев, возглавляемый ханом, (см. Худяков М.—Очерки по ист. Каз. хан. 188—189).

На курултай созывались обычно все полноправные граждане, „вся земля казанская“ по выражению русских летописей, но подготовлялись, обсуждались и решались вопросы исключительно представителями господствующих классов и большей частью представителями господствующей партии. К сожалению, татарские источники о курултае еще не открыты, вследствие чего и самое существование курултая является еще проблематичным, т. к. данные русских летописей категорически вопроса не разрешают.

Большая часть населения г. Казани состояла однако из податного сословия. Были здесь и землепашцы и ремесленники и торговцы, были ямщики и дворня. Но эти группы населения далеко не обладали теми правами, что было обычным явлением для описанных нами выше. Кроме торговцев и части ремесленников, все были подневольными находились в чьем-либо распоряжении, в личной и экономической зависимости какого-либо лица из привилегированных сословий. Обязанность податного сословия — платить налоги и исполнять повинности не только по отношению к государству, но и по отношению к хозяину-властелину. Ярлык хана Сахиб-Гирея упоминает 13 видов

налогов и повиностей, но были и другие которые не вошли в содержание указанной тарханной грамоты. Были и совершенно бесправные рабы, упоминавшиеся в исторических памятниках наряду с живыми и мертвым инвентарем их владельцев. Комплектовались они главным образом из пленников. А число их было довольно внушительно, т. к. войны велись почти постоянно с небольшими перерывами.

Весьма заметным общественным элементом в г. Казани были иностранцы. Торговые связи ханства с Москвией, Персией, Хивой, Бухарой, Турцией, Сибирью, Кавказом и др. вызывали приток иностранцев в Казань, одних на постоянное, других на временное проживание. Известна, напр., Армянская слобода—место постоянного жительства армянских купцов и их челяди на месте Армянской улицы.

Вот в кратких чертах общественный облик г. Казани в первой половине XVI века и наиболее крупные объекты общественного внимания.

Далее нам необходимо осветить хозяйственный быт и его эволюцию.

Казань, как хозяйственный и экономический центр, выделялась в области торговли

и мелкой промышленности, скорее—ремесла. В этом состояла и политическая и экономическая мощь города и его значение как центра Волжско-Камского края.

Речные пути и грунтовые дороги, соединявшие как в центре весьма удаленные области, оживляли и торговую и промышленную жизнь города в XVI веке; Великий Новгород и Псков, Московия, Крым, Кавказ, Малая и Средняя Азия, вся Сибирь и отчасти северный край ежегодно принимали участие в весенней Казанской ярмарке, происходившей тогда после спада весенних вод на Гостинном острове, против устья р. Казанки. Тут шла и оптовая торговля и розничная. Но и прочее время года торговля Казани была оживленной. Исторические памятники и записки современников указывают нам, что во все время года можно было наблюдать в Казани массу иностранных купцов, ведущих торговые дела через г. Казань. Лес, мех, мед проходили с севера, предметы культа, домашнего обихода и роскоши, лошади и мелкий скот шли с юга, пушной товар и продукты добывающей промышленности Сибири встречали предметы, главным образом, обрабатывающей промышленности с запада. Казань

XVI в. очень сильна как транзитный пункт. Традиция Болгарской эпохи торжествовала и в татарской Казани. Ясно, что и внутренний рынок, тяготевший к г. Казани, был довольно широк, чтобы из-за него, хотя бы отчасти, стало бороться такое сильное государство, как Москва.

Добывающая промышленность всего Казанского ханства проходила через казанский рынок; не обходила его и обрабатывающая, особенно продукты кожевенного производства.

В XVI в. Московское государство весьма раздвинулось на север и запад, включив в свой состав владения Великого Новгорода и Пскова, что с Тверским, Нижегородским и Рязанским краем, захваченными еще раньше, составило обширную территорию. Это государство уже имело торговые сношения с западом через Балтийское море. Но развивавшееся денежное хозяйство и торговый капитал стремился отвоевывать себе и восточные торговые пути. Торговая политика диктовала необходимость завоевания Волжско-Камского бассейна, т. к. непосредственная торговая связь с Персией, Турцией, Средней Азией и Сибирью не могла уже ограничиваться исключительно на договорных с Казанским ханством условиях, как

это наблюдается в XV и в начале XVI века. Во второй четверти XVI века обнаружилось вполне ясно, что Московия заняла первое место на Казанском рынке, как в торговле непосредственно с Казанью, так и в торговле с Закавказьем, Персией, Туркестаном и восточными Ногаями. Это господствующее положение на Казанском рынке могло поколебаться в связи с усилением крымской партии в Казани. Ставленник Москвы Шейх-Али не мог спасти положения, несмотря на все усилия. Оставалось одно средство—война.

Завоевание Волжско-Камского торгового пути для Московского правительства стало необходимостью.

II.

Борьба Московского государства за обладание Казанью.

Этим определяется основная причина войны с Казанским и Астраханским ханствами в XVI в. Но столь обнаженные утилитарные причины и цели всегда скрываются под другими лозунгами, более популярными и более привлекательными. Так было и в борьбе с Казанью. Возбуждался

национальный антагонизм, религиозный фанатизм и нетерпимость; погромы торговых караванов, набеги за пленниками в пределы Московского государства, несмотря на то, что они были сплошь и рядом как бы ответным актом со стороны Казани,—все это давало правительству Московского царя огромные средства для враждебной агитации против Казани, а те выгоды, которые рисовались по завоевании ханства, для каждого сословия и класса дополняли картину национально-религиозного движения против „бусурманской“ Казани; изнурительные и частые походы к ней стали носить название „крестовых походов“ против иноверных.

Конечно, Казань прекрасно понимала политику Московского правительства и с своей стороны принимала всевозможные меры: связи с Турцией, с Крымом, с Ногаями, с Астраханью принимают самый оживленный характер. Создается план единого и сплошного фронта против Москвы, но в самый критический момент ногайцы становятся почти на нейтральную позицию, и это в тылу Казанского ханства и по нижнему течению Волги. Кроме этого все соседи Казани и южные мусульманские государства

оказали лишь моральную поддержку, которая далеко не могла обеспечить победы казанскому оружию, кстати сказать, во многом уступавшему Московскому оружию с технической стороны. Завоевательные походы Москвы начались с 40-х годов и становились все более настойчивыми. Центром военных действий оказалась Казань. Падение Казани равносильно падению Казанского ханства при системе штурмов и осады, а не фронтовой войны. Вот почему осада и взятие Казани имело такое колоссальное общественно-политическое и экономическое значение. В особенности положение Казани стало угрожающим для татар после основания Свияжска, который стал одним из сильнейших аванпостов в борьбе Москвы с Казанью. После трех неудачных походов на Казань (в 1524, 1530 и 1550 годах) Московское правительство стало готовиться к последнему, тем более, что попытка присоединения Казанского ханства на унияльных началах потерпела неудачу в самый последний момент. Мы не будем излагать историю осады Казани, и весьма сильного напряжения в борьбе обеих стран, т. к. это уже общеизвестно, но коснуться следствий поражения ханского войска и сдачи Казани русскому

оружию все же необходимо, т. к. этот период представляет целую эпоху в дальнейшей истории г. Казани.

Следствия завоевания вылились прежде всего в разгроме г. Казани и его населения. Пожары и мародерство, охватившие Казань, произвели неизгладимое впечатление на жителей города, не говоря уже о том, что масса жителей была перебита во время и после сражения. Первые дни русского владычества в Казани со 2 октября 1552 г. представляли собой совершенно непредвиденное по своей жестокости явление. Это отмечается всеми дошедшими до нас источниками как татарского, так и русского происхождения, не исключая произведений песенного народного творчества. Это мародерство и совершенно ненужная жестокость, проявленная по отношению к татарам, послужила основным сигналом для организации отпора. С небольшими промежутками во времени борьба за Казань между русскими и татарами продолжалась еще 6 лет; в эту борьбу на стороне татар втянулись уже и ногайцы и астраханцы и крымцы, и даже турки, посылая на помощь не только снаряжение и деньги, но войско. Русские войска с переменным успехом но все же одержали

верх. За эти годы постоянных сражений русское правительство соорудило каменную крепостную стену и выселило из посада все татарское население в местечко Кураишево, где положено начало современной Татарской слободы. Выселив татар из города, власть запретила даже появляться в нем без ведома ее на каждый случай. Деревянные дома перевозились в слободу, каменные оставались; дома, занятые или учреждениями или войсками оставались в распоряжении властей, и как на исключение можно указать на случаи вознаграждения хозяев за недвижимую собственность, отнятую победителями.

На месте пепелищ и разрушенных татарских зданий стали строить хоромы для бояр, воевод, служилых людей; рядом с полуразрушенными мечетями стали возводить храмы; вместо коренного татарского населения посад и крепость стала заселяться русскими служилыми людьми, их челядью и гостями, купцами и ремесленниками, вышедшими с Москвы, Пскова, Тулы и других московских городов и сел. (Подробности в статье Андреевского). Город Казань становится русским городом в полном смысле этого слова. Не смотря на то, что кругом около Казани поднимались восстания против московской

власти, город жил жизнью как бы осажденного лагеря и настойчиво реконструировался, особенно после снятия блокады рек Волги, Камы и Вятки, после подавления движения, имевшего опорным пунктом город Чалым. В 60-х и 70-х годах и позже хотя и были восстания, но гром оружия уже не достигал Казани, замирая в селах и деревнях инородческих поселений чуваш, мордвы, марийцев и др. Вся казанская аристократия, исключая представителей так называемой русской или московской ориентации, была удалена из Казани, или сама удалилась, или погибла в неравных боях. Но оставшиеся либо поступили на ратную службу к новому правительству или, по принятии христианства, оставались здесь, сохранив за собой на время свои земельные владения. Нам нет возможности останавливаться на отзвуках завоевания Казанского ханства, которыми богата вся вторая половина XVI века, но нельзя не упомянуть о нашествии Девлет-Гирея весной 1572 года, когда крымский хан, мстя за взятие Казани и Астрахани, сжег всю Москву, разграбил ее, перебил и разорил массу населения (до 800 тыс. чел.) и 150 тыс. увел в плен. Можно сказать, удар был нанесен в 10-ти кратном размере.

Так он и заявил во время мирных переговоров: „жгу и пустошу Россию единственно за Казань и Астрахань“. Тем не менее и Казань и Астрахань, а следовательно вся Волга, весь торговый путь в Персию остался в руках Московского правительства. Хотя и были сильны тенденции отложения от Москвы, однако и смутное время не могло организовать чего-либо среди татарского и инородческого населения. Если и были кое-какие начинания в этом направлении, то они не увеличились даже маленьким и временным успехом, да и инициаторами организации самостоятельного низового государства были не из среды побежденных. Причина кроется в том, что слишком был обескровлен татарский народ и слишком много он потерял в смысле общественно-политической и экономической организованности.

III.

Жизненный облик Казани эпохи Московского порабощения.

Действительно, присмотримся ближе к общественной жизни Казани, как центра Волжско-Камского края, во 2-й половине

XVI в. и мы увидим, что эта жизнь пошла совершенно по иному руслу. 50 лет Московского владычества в Казани сделали свое дело, создали совершенно иные и экономические и общественно-политические группы, привили совершенно иные интересы, злоба дня стала абсолютно противоположна прежнему времени, когда Казань была столицей Казанского ханства.

Экономическая жизнь г. Казани претерпела большие изменения особенно в функционировании внутреннего рынка и в отношении национального и персонального состава торгующих. Военные события и карательные экспедиции нарушили экономику деревни: она еще больше, чем раньше, замкнулась в форму натурального хозяйства с весьма слабыми признаками рыночного товарообмена. Татарские торговцы и промышленники были разорены вследствие оккупации области. Транзитная торговля военными событиями и переменой власти была тоже парализована. И можно думать, что это состояние экономической жизни долго не исправилось бы, если бы не были приняты весьма суровые меры московским правительством. Согласно указов последнего, в Казань были направлены московские, новгородские,

псковские, костромские капиталисты, торговцы и ремесленники. Это спасло положение вещей и уже через 12—15 лет писец Кикин с товарищами, описывая в 1566 году рынок г. Казани, фиксирует около 400 лавок, 102 скамьи, 86 полок, 35 шалашей и т. д. Писцовая книга г. Казани отмечает уже и конский базар, что дает основание предполагать налаживающиеся торговые отношения с Ногайцами, главными поставщиками этого объекта рыночной торговли. К концу XVI века вполне была восстановлена транзитная торговля с соседними государствами; можно даже предполагать что внешняя торговля через г. Казань развилась значительно сильнее, чем в последние годы существования Казанского ханства, т. к. ни войны, ни блокады уже не нарушали общего хода торговых сношений. Если в прежнее время главным предметом торгового оборота была пушнина, то в настоящее—первое место заняла хлебная торговля. Об этом свидетельствует большое количество амбаров (по писцовой книге Кикина 82 амбара). Возможно, что хлеб не был предметом производства только Казанского края, а привозился с верховьев Волги и с Оки, но это не столь существенно, т. к.

и доставка на рынок пушнины не ограничивалась территорией Казанского ханства. Добывающая и обрабатывающая промышленность сосредоточилась тоже в руках русских предпринимателей, татары же допускались изредка; большинство их ушло в ремесло и мелкую розничную торговлю. В общих же чертах во всей области промышленность сохранила свой прежний характер и направление.

Но все же город Казань был прежде всего военно-административный центр на всем протяжении второй половины XVI-го и начала XVII века. Это вполне понятно из предыдущего изложения. В связи с этим и в общественных группировках первое место занимали предстравители служилых людей и администрации: бояре, воеводы, помещики и вотчинники. Их интересы сосредоточивались на получении хороших и населенных земель, на военных походах в глубь страны, на событиях города Казани, а ввиду опасного положения края—на предположениях, как избыть Казанского сиденья. Администрация все время была загружена организацией управления краем, сбором и выколачиванием податей и повинностей, сбором взяток в свой собственный карман

и ориентировкой в новых обстоятельствах в беспокойной Казани. Нередко эта „неуспешная“ работа правительства вызывала восстания инородцев, из которых особенной силой отличалось движение инородцев в 1582 году, когда, по словам летописца «поганные, как звери дикие, сопротивлялись рати московской, побивали московских людей то на станах, то на походах; бояре и воеводы не могли их усмирить». Этой непокорностью главным образом вызывалась необходимость постройки новых городов, как Лаишев, Тетюши, Чебоксары, Васильсурск, Козмодемьянск и др. В области организации управления необходимо отменить, что всякая идея какой либо автономии, даже в области суда, была признана ненужной и вредной. Край управлялся из Москвы приказом Казанского Дворца, а в самой Казани и на местах были лишь исполнительные органы, во главе которых стоял воевода с помощниками. Интересы туземного населения были подчинены интересам господствующего класса и ни о каких курултаях и советах не могло быть и речи. Фактически же все население было отдано в личное распоряжение воеводы, его помощников, дьяков и военного начальства.

Нам осталось осветить еще один вопрос общественной жизни Казани 2 половины XVI века—религиозный. Вместе с царем грозным пришло и православное духовенство. После разрушения мечетей в крепости и посаде и выселения большинства татар в слободу, стало развиваться церковное строительство. Вскоре после взятия Казани началась постройка Кафедрального собора (1552 г.), Спасского монастыря (1556 г.), Зилантовского (1559 г.) и женского монастыря (1579 г.), возникли многие приходские церкви и т. д. Позондировать почву относительно обращения в христианство татар и инородцев пошло духовенство по городам края, желая проникнуть и в деревни. В самом городе Казани начали „крепить“ сначала только желающих, в особенности когда объявили новокрещенным преимущества и льготы. Это собственно и было единственным двигателем в деле обращения, да и то не особенно сильным и долговечным. К концу XVI века стали обращать в христианство и с пристрастием, не гнушаясь никакими для этого средствами. Но и это плохо содействовало успеху. Народные предания в инородческой среде полны ужасов в изображении всевозможных мероприятий. В конце

концов все это разрешилось полным дикого фанатизма указом „культурного“ правительства Федора Ивановича в 1593 году: разматать все мечети в Казанской земле, а в городе Казани не допускать ни сдного татарского жилья. Это распоряжение, конечно, произвело колоссальное и убийственное впечатление на весь неправославный мир, оно равносильно было вторичному падению Казанского ханства. Перед этим актом укрепившейся власти меркнут, пожалуй, все события второй половины XVI века, исключая 1552 г. Подобного выступления со стороны татар даже не мыслилось в период зависимости России от Золотой Орды. Духовенство, обеспеченное доходами и лучшими земельными угодьями, довершало то, чего не могла довершить власть. Если последняя убила физически Казанское ханство, духовенство нанесло чувствительный удар в моральном отношении.

Перед читателем прошел весьма сжатый очерк общественной жизни Казани в XVI веке.

Более подробное положение можно найти в вышеуказанной литературе.

Е. Чернышев.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

в XVI—XVII в.в.

Издали.

Если мы направляемся к Кремлю по улице Чернышевского, то уже издали увидим стройно и четко вырисовывающиеся контуры красной башни в три яруса уступами, с высоким шатровым покрытием, при первом же взгляде на нее вызывающей впечатление далекой седой старины.

Это—Спасская башня Казанского Кремля, являющаяся одним из наиболее хорошо сохранившихся памятников XVI—XVII в.в. в Казани.

По мере приближения к Кремлю мы все более отчетливо различаем и детали башни и белые зубчатые стены, идущие по сторонам от нее.

Наконец, мы выходим на площадь 1 мая. Останавливаемся у ограды вокруг пьедестала

памятника, откуда всего удобнее окинуть глазом открывающуюся перед нами картину Кремлевской стены.

Здесь, вблизи, Спасская башня, своими очертаниями так не гармонирующая с окружающей ее современной городской обстановкой, в еще большей степени производит впечатление чего-то далекого-далекого прошлого и невольно навевает воспоминания о той, создавшей ее эпохе, когда вокруг была совсем другая обстановка, другие общественные порядки, другая техника, другая культура.

Экскурс в прошлое.

Припомним в основных чертах эту далекую от нас эпоху. То была эпоха торгового капитала; эпоха, когда в междуречьи Оки и Волги сложилось сильное и богатое княжество Московское, постепенно расширявшее свои владения и круг своих торговых операций, увеличивавшее свое экономическое и военно-политическое могущество и превратившееся, наконец, в государство Московское с абсолютно-самодержавной царской властью, с обширным бюрократически-полицейским аппаратом управления, с боярами, дьяками, тиунами, с застенками и тюрьмами, стрельцами и воеводами, с „первопрестольным“

городом Москвой, который вел торговые обороты, по своим размерам не уступавшие оборотам наиболее оживленных торговых городов той эпохи на Западе¹. То была эпоха, когда рядом с господствовавшим прежде классом крупных вотчинников-землевладельцев развились и выступили на историческую сцену новые классы: сильный класс торговой буржуазии и класс служилого дворянства; когда интересы этих двух классов начали играть все более определяющую роль в области как внутренней, так и внешней политики Московского государства. И именно интересы торгового капитала толкнули в XVI веке Московское правительство на путь затяжной борьбы за захват торговых путей: на западе—за захват Балтийского побережья, на востоке—за обладание всем течением Волги, серебристая лента которой сверкает на горизонте к юго-западу от нас. Напомним, что Волга уже в XVI веке становилась главной артерией внешней торговли Московской Руси, но больше, чем на половину своего течения находилась в руках чуждого по языку и культуре, враждебного

¹ См., напр., Покровский. Очерк истории русск. культуры. ч. 1, отд. 1, 3.

Москве народа, являвшегося, вдобавок, и экономическим конкурентом Москвы; ибо у татар развивался и креп своей туземный торговый капитализм. В стремлении к захвату Волги с торговым капиталом было вполне солидарно и служилое дворянство; „средние землевладельцы... с завистью смотрели на черноземное Поволжье, охотно готовые променять на него выпаханный суглинок примосковных уездов“. Помещицкому публицисту Ивану Пересветову Казанское царство казалось прямо чуть не раем— „подрайскою землецей, всем угодной,“ и он в своей челобитной царю весьма цинично заявлял, что „таковую землю угодную“ следовало бы завоевать, даже если бы она с Русью „и в дружбе была“¹.

Здесь не место останавливаться на истории Казанских походов, равно как и на истории самого взятия Казани. Напомним лишь, что 2 октября 1553 года Московское войско, технически оборудованное гораздо лучше, чем войско татарское, после полуторамесячной осады и целого ряда кровопролитных боев, после больших саперных работ и трех взрывов крепостных стен взяло

¹ Покровский. Русская история. Т. 1, 316 стр.

штурмом столицу татарского царства. С этого времени Казанские татары теряют свою политическую самостоятельность и на триста с лишком лет превращаются в объект самой беззастенчивой эксплуатации с стороны господствующих классов Московского государства.

С этого времени Московское правительство принимает все зависящие от него меры к тому, чтобы удержать покоренный им край в повиновении. Прежде всего, оно тщательно заботится об улучшении крепостных сооружений Казани, стремясь превратить ее в неприступную цитадель русского господства над краем, которая сосредоточивала бы в себе достаточное количество военно-технических ресурсов для беспощадного подавления восстававших „инородческих“ племен и улусов. Сохранившиеся стены Казанского Кремля достаточно красноречиво говорят о тех материальных затратах, которые производило Московское правительство для укрепления здесь своего внешнего военного могущества.

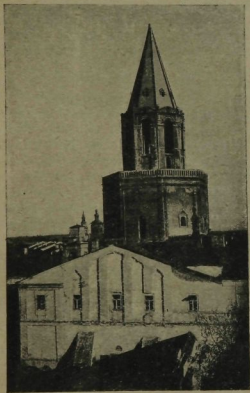
История стен.

Уже в первые дни после взятия Казани ввиду экстренной необходимости восстановления разрушенных осадой укреплений,

Иван IV приказал чинить старые деревянные татарские стены; а в 1555 году царь отдал приказание псковскому каменщику—строителю Ивану Ширию „с товарищами“ „стенщиками и ломцами“—всего до 200 человек—ехать в Казань „к весне камень ломати и в Казани новый город камен делати“¹. С весны 1556 года псковские мастера приступили к сооружению новых, каменных кремлевских стен.

Подойдем к Спасской башне вплотную и обратим внимание на освобожденную от облицовки часть ее стены (справа от пристроенной часовни). Мы видим перед собой побуревшие от времени, довольно массивные, очень грубо обтесанные плиты камня-известняка; этот камень, выламывавшийся на правом нагорном берегу Волги и доставлявшийся сюда, и был тем строительным материалом, из которого вначале возводились кремлевские стены и башни. Правда, в XVI веке из камня была построена только часть стены длиной в 600 метров. Остальная же стена, длиной в 1150 метров была сделана из дубовых срубов и уже в XVII веке заменена каменной. Эту одновременность

¹ Пинегин. Казань в ее прошлом и настоящем 347 стр.

Спасская башня.

постройки особенно легко можно заметить на Спасской башне. Как второй, так и третий ярус ее построены уже не из камня, а из кирпича, более позднего происхождения (XVII века).

Спасская башня.

В нижнем ярусе Спасской башни проходил коленчатый проезд, в котором были двойные ворота—одни с внутренней стороны Кремля, другие—с наружной, со стороны посада. Коленчатое устройство проезда, при котором наружные ворота открывались сбоку башни, а не спереди, имело целью предохранить ворота от разрушительного действия неприятельской артиллерии, ибо при таком расположении проезда артиллерию крайне трудно поставить так, чтобы ядра били непосредственно по воротам. Подвоз же к воротам стенобитных машин был затруднен тем обстоятельством, что в XVI и XVII в.в. Кремль отделялся от посада со стороны теперешней улицы Чернышевского широким и глубоким оврагом „Тезицким“, имевшим 3 сажени в ширину и 7 саж. в глубину¹. Сообщение же посада с Кремлем

¹ Рыбушкин. Краткая история г. Казани. 69 стр.

происходило через под'емный мост, находившийся вблизи Спасской башни.

С юго-западной стороны Спасская башня имеет расширение, в котором помещена Спасская церковь. Церковь, заложенная по летописным данным самим Иваном IV в ознаменование взятия Казани была „обыденная“, т. е. выстроена в один день, 4 октября 1552 года. Вначале церковь была деревянная и помещалась внутри Кремля, неподалеку от ворот. Около нее стояла деревянная звонница, на которой висел „ратный“ колокол, т. е. колокол, которым давался сигнал о наступлении неприятеля, а также о пожаре и т. п. Затем, когда в 1556 году было приступлено к устройству каменного Кремля, церковь была перенесена в пристрой Спасской башни, где находится и теперь. Колокол же, который находится на Спасской башне, полагают, и является тем самым „ратным“ колоколом, который раньше висел на деревянной звоннице вблизи Спасской церкви. Вследствие неоднократных пожаров, от которых страдала и Спасская башня, от древней обстановки церкви ничего не сохранилось.

Состороны улицы Чернышевского на Спасской башне в особой нише была поста-

влена большая копия со знамени, находившегося при войске Ивана IV во время взятия Казани. Для того, чтобы предохранить последнюю от действия непогоды, к башне в 1863 году была пристроена часовня, которая в 1900-х г.г. ввиду ветхости была перестроена и приняла теперешний вид. Надо впрочем, сказать, что по своей архитектуре совсем не гармонируя с зданием Спасской башни, часовня значительно нарушает цельность впечатления от нее, заслоняя собой почти всю переднюю стену нижнего яруса башни.

Архитектурную отделку Спасской башни П. Дульский характеризует следующим образом:

„По своим формам Спасская башня выдержана в строгих пропорциях, что придает ей красивую стильность... Вся декоративная обработка башни состоит из простых строительных мотивов XVI века, излюбленными узорами которого были прямолинейные фигуры (ширинка—поясок в ребро кирпича и т. д.). Остановливаясь на обзоре деталей этого строения, нельзя не упомянуть о широкой кайме, идущей у парапета первого яруса, а также о любопытных фронтонах, маскирующих соединение верхней башенки

с шатровым покрытием"¹. Самое высокое шатровое покрытие, увенчивающее башню также весьма характерно для древне-русского зодчества, как каменного, так и деревянного.

Теперь рассмотрим вкратце военное значение башни для своего времени. Если верхний ее ярус (со „слухами“), возвышавшийся на 30 метров над уровнем самой высокой части кремлевского холма, служил отличным наблюдательным пунктом, с которого открывался обширный вид на Волгу и Заволжье, на Арское поле и дремучие леса к северу, в сторону Вятской земли, то широкий парапет идущий вокруг второго яруса давал возможность защитникам крепости сосредоточиваться на башне в большом количестве, поражая сверху подступившего к крепости противника. Самое расположение башни, значительно выдвинутой из крепостной линии, вперед, к оврагу, позволяло параллельными со стеной выстрелами из боковых амбразур и парапета очищать от неприятеля ров и подошву стены², и делало башню одним из важнейших оборонительных пунктов всего Кремля.

¹ П. М. Дульский. Памятники Казанской старины. 62 стр.

² Пинегин. Указ. соч. 348 стр.

Кругом стен.

Пройдемся вокруг стен, чтобы яснее почувствовать их величину и массивность и нагляднее представить себе методы военной защиты в XVI—XVII в.в. Направимся влево от Спасской башни, т. к. здесь вдоль Кремлевской стены устроен бульвар, который делает наиболее удобным обход Кремля именно с юго-западной стороны.

Высота стены здесь достигает в среднем $6\frac{1}{2}$ метров. Наверху стены поставлена тонкая стенка, заменявшая старинные частоколы на городском валу. Эта стенка в XVI столетии делалась выше человеческого роста и, следовательно, увеличивала высоту стены еще метра на 2. В стенке проделаны стрельницы с крутым откосом книзу для того, чтобы удобнее было наблюдать за неприятелем и отражать наступающих, которых обливали сверху кипящим варом, смолой и нефтью, поражали пулями из рушниц, осыпали камнями и стрелами, засыпали глаза известью. Для усиления обороны по углам стен и над воротами ставились башни; впрочем они помещались и в средине длинных сторон крепостной стены. Казанский Кремль в XVI и XVII в.в. имел 13 башень, из них

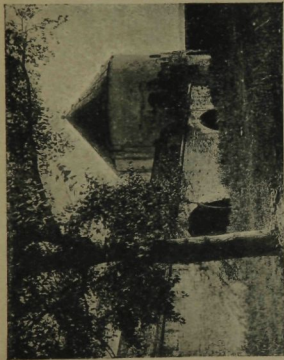
5 „проезжих“, т. е. с воротами. Круглые башни раньше были без конических покрытий и завершались сверху площадкой, по краям которой шел зубчатый парапет. С этой площадки следили за движением неприятеля на прилегающем участке, чтобы своевременно давать подкрепления в те части стены, которым угрожало нападение; отсюда же наносились поражения неприятелям, взбравшимся на стену. Теперь зубцы парапета заделаны и следы их можно заметить только при внимательном осмотре у двух угловых башень, стоящих слева и справа от Спасской¹.

Обогнувши угловую башню и пройдя приблизительно 50 сажен, мы доходим до четырехугольной „проезжей“ башни, в которой ясно заметна заложенная арка ворот.

Преображенские ворота.

Это — бывшие Преображенские ворота, называемые так по имени Преображенского монастыря, который находится в данной части Кремля. Ворота были заложены во время ремонта Кремлевских стен, производившегося после разрушений, нанесенных

¹. Дульский, Указан. соч. 59 стр.

Угловая кремлевская башня.

стенам и башням войсками Пугачева. Тогда же, по всей вероятности, были снесены наиболее ветхие башни (числом 4).

Прежде чем идти дальше, кинем еще раз взгляд вверх, на парапет стены и бойницы башен, вниз, на расстилающуюся под нами Проломную улицу, и представим себе те трудности, какие должно было преодолеть любое войско XVII века для того, чтобы захватить в свои руки Кремль, занятый неприятелем.

Обычно крепости брались или измором, длительной осадой, или приступом, для чего необходимо было ворваться в крепость, пробившись или в ворота, или в разрушенную стену, или захватить часть ее, поднявшись по лестнице. Огнестрельные орудия, трудные для перевозки, употреблялись мало. Более обычными были известные еще в античном мире стенобитные машины—длинное тяжелое бревно, подвешенное на особом станке; конец его оковывался железом, по форме напоминая голову барана; раскачивая его, пытались сделать в стене брешь. Тараны отличались только острым окончанием. Для под'ема на стены, кроме легких лестниц, служили высокие деревянные башни на колесах, „турусы“, с лестницей внутри.

Они подкатывались к стене и с их верха по перекидному мостику осаждающие легко перебирались на стены для рукопашного боя с защитниками крепости¹.

Высота Казанской Кремлевской стены сравнительно не слишком большая; как мы уже сказали, в среднем, метров $6\frac{1}{2}$, а в данном месте даже метров 5. Но если мы припомним, что почти тотчас же у подножия стены, со стороны Спасской башни начинался крутой, обрывистый откос Тезицкого оврага, который имел до 7 сажен глубины и слабым подобием которого ныне служат обрывы в сторону Проломной и Засыпкиной улиц; если мы представим себе на минуту эту двадцатиаршинную глубину и попытаемся далее представить, как невероятно трудно было под градом пуль, камней, и стрел и копий со стен и башен Кремля производить через этот овраг переправу, карабкаться на этот откос с лестницами, турусами и таранами, то мы поймем, что значило—взять Казанский Кремль; поймем, каким прочным военным оплотом Московского самодержавия и торгового капитала

¹ О. Яцунская. Кремль—средневековая крепость. Ст. в Сб. „Культурно-исторические экскурсии“ под ред. Гейнике. Ч. 11. 17 стр.

являлся этот Кремль здесь в XVI—XVII веках.

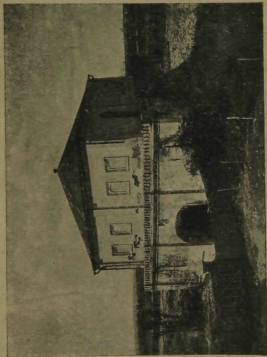
Пройдем дальше по гребню откоса по направлению к реке Казанке. За Кремлевской стеной справа от нас возвышается серое, четырехэтажное длинное здание с очень небольшим количеством окон по стенам. Это—бывший манеж пехотного юнкерского училища, выстроенный уже в XIX веке. В XVI—XVII веках приблизительно на этом месте лишь несколько дальше от стены и ближе к церкви Киприана и Иустинии, помещались тюрьмы: две тюрьмы „татинные“ и одна „женская“, а около них „изба сторожевая“. Вероятно где-нибудь поблизости находился и застенок. Теперь от тюрем не осталось никаких следов и даже самое место, где они стояли, занесено землей почти вровень с Крепостной стеной. Быть может раскопки, произведенные в этой части Кремля открыли бы какие-либо вещественные памятники этих кошмарных учреждений Московской Руси, в которых более, чем где бы то ни было, сказывалась вся утонченная жестокость, на какую был способен государственный аппарат эпохи торгового капитала.

Продвигаемся дальше и, дойдя до конца стены, огибаем угловую башню.

Тайницкая башня.

Направо от нас, саженьях в 30, высится подступившее к самому краю откоса массивное, четырехугольное, двухярусное здание Тайницкой башни с воротами сбоку в виде арки, от которых отлогий спуск ведет к берегу реки Казанки. В период старой татарской Казани башня носила название Муралеевых ворот, т. к. вблизи нее в Кремле находилась, так наз., Муралеева мечеть. После взятия Казани русскими в XVI веке башня получила официальное название Воскресенской¹ по имени надвратной Воскресенской церкви. Но в обыденной речи за башней больше укрепилось название „Тайницкой“, происхождение которого объясняется тем, что от нее раньше был устроен подземный ход (тайник) к ключу, из которого татары, отрезанные от р. Казанки, брали воду во время осады Казани. Тайницкий ключ, выложенный внутри небольшим деревянным срубом, виден в нескольких саженьях направо от башни вверх по течению реки Казанки. Теперь ключ находится

¹ См. Кунцевич. Описание города Казани 1675 года. Изв. Об-ва Археологии, Истории и Этнографии при Каз. Ун-те, т. XXII, в. I. 1906 г.

Тайницкая башня.

в запущенном состоянии. По преданию, и в русскую эпоху истории Кремля из Тайницкой башни также существовал потайной ход к Зилантову монастырю.

Архитектурная обработка Тайницкой башни относится к XVII веку. Нижний ярус башни имеет парапет, вокруг которого снаружи идет широкая кайма, подобная той, какую мы видели на Спасской башне.

После осмотра Тайницкой башни войдем в самый Кремль. Ворота в башне, как видим, такого же коленчатого устройства, как и в Спасской башне,—очевидно из тех же самых соображений, что и там.

Сююмбекина башня.

При входе в Кремль первое, на чем, вероятно, сразу же остановится наш взор—это башня Сююмбеки. Семиярусное здание с 1512-ю футов площади основания, Сююмбекина башня легко и стройно врезается своим острым шпилем в голубое небо на тридцатипяти саженой высоте. Наравне, со Спасской башней, ярко выделяясь из среды окружающих ее кремлевских зданий своей архитектурой, окраской и в особенности своей высотой, Сююмбекина башня является одним из наиболее характерных памятников

Казанской старины. Что касается времени ее построения, то по этому вопросу мнения исследователей расходятся. Одни считают ее памятником татарской старины безусловно; другие видят в ней целиком продукт Московского зодчества XVII и даже XVIII века (Агафонов); третьи приходят к компромиссным решениям, полагая, что первые три яруса башни (четырёхугольные) построены еще в татарскую эпоху, а верхние четыре (восьмиугольные) надстроены уже русскими в XVII веке. Не будем здесь останавливаться на доводах в пользу того и другого мнения¹. Укажем лишь, что представляется совершенно невероятным, чтобы при том национальном антагонизме, который царил между русскими и татарами, в особенности после покорения Казани, при той религиозной нетерпимости, которая в ту эпоху проявлялась взаимно между победителями и побежденными, произведение чисто русского зодчества, каким считает Сююмбекину башню Агафонов, с одной стороны, пользовалась таким почетом среди мусульманского мира, каким еще в прошлом столетии пользовалась Сююмбекина башня².

¹ См. ниже статью В. Адо, „Сююмбекина башня“.

² См. напр, Загоскин. 102 стр. Пинегин. 366 стр.

а с другой—чтобы ему было присвоено, имя татарской царицы не только в широких народных массах, но и в официальных государственных документах, планах и т. д. Наиболее приемлемой кажется для нас та версия, которая говорит, что основание башни несомненно относится к татарской эпохе, когда на ее месте возвышался минарет мечети, пользовавшейся особым почитанием среди мусульман, и что остатком этого минарета является первый ярус башни, который в XVIII веке был использован под ворота комендантского двора. Но, начиная со второго яруса, башня „безусловно может быть отнесена к русскому строительству XVII века“¹, в чем нас убеждают сходные черты Сююмбекиной башни со строительными формами типичного Московского зодчества, в частности формами Боровицкой башни, на что обращают внимание некоторые историки русского искусства (Игорь Грабарь). Итак, Сююмбекина башня, вызывая до сих пор споры как по вопросу о времени своего происхождения в целом, так и по вопросу о своем первоначальном назначении, в известной

¹ П. Дульский. Указ. соч. 18 стр.

части все же может, несомненно, считаться памятником старой татарской Казани.

Обогнем справа здание Сююмбекиной башни и войдем во двор, где помещается здание ТЦИК'а и ТСНК'а.

Здание б. дворцовой церкви.

Рядом с Сююмбекиной башней, ближе к Казанке стоит двух ярусное здание б. дворцовой церкви, которое крытым переходом соединено с соседним зданием б. губернаторского дворца (ныне здание ТЦИК'а), и которое по своему архитектурному тону представляет некоторое сходство с тремя нижними ярусами Сююмбекиной башни. Есть основания полагать, что данное здание в эпоху старой татарской Казани являлось мечетью; именно, одной из тех пяти „мурованных“ (т. е. каменных) и „зело высоких“ мечетей, которые, по словам Курбского, возвышались на крепостной горе со стороны р. Казанки и в которых „Казанские умершие цари клались“. Казанская писцовая книга конца XVI века говорит о мечети против церкви Благовещения (нынешний Кафедральный собор), после взятия Казани русскими превращенной в артиллерийский склад. Затем, на хранящемся в местном

Университете старинном Казанском плане 1708 г. на месте нынешней дворцовой церкви показана „церковь, обращенная из мечети и находящаяся ныне в ветхости“. Сопоставление приведенных выше свидетельств, говорит Загоскин¹,—приводит нас к несомненному убеждению, что речь в данном случае идет о здании нынешней² дворцовой церкви, бывшей когда-то мусульманской мечетью, затем—по взятии Казани русскими артиллерийским складом; потом—церковью, успевшей обветшать ко 2-ой половине XVIII века, и, наконец, в 40-х г.г. XIX века реставрированной в настоящем своем виде. Итак, современное нам здание б. дворцовой церкви мы имеем полное основание отнести к архитектурным памятникам татарской Казани. И существуют весьма веские доказательства в пользу того, что это именно та „Муралеева мизгить“ (т. е. мечеть), которая упоминается в памятниках покорения Казани и по имени которой названы находящиеся рядом с ней Муралеевы (Тайницкие) ворота³.

¹ Загоскин. Указ. соч. 100 стр.

² Писано в 1895 году.

³ Загоскин. 100 стр.

Ханский дворец.

Рядом с Муралеевой мечетью (присвоим ей наиболее вероятное прежнее ее наименование), на том месте, где теперь находится здание ТЦИК'а и ТСНК'а, раньше стоял Ханский дворец. Здесь когда-то с восточной пышностью жили Казанские ханы; здесь четыреста лет тому назад ключом била бурная политическая жизнь древней Татарии. После того, как в Казани вместо татарского хана высшей административной властью сделался русский воевода, в опустевших палатах ханского дворца были устроены военные склады; здесь хранились порох, селитра и свинец. Казанская писцовая книга упоминает этот дворец под именем „старого царева двора“ в противоположность „Государеву двору“, стоявшему в другом конце Кремля у Спасских ворот. Здание Ханского дворца, достаточно обветшавшее уже к концу XVI века, в 1807 году было разломано; лишь отдельные части его, вошедшие в состав выстроенного ранее комендантского дома, продолжали носить на себе отпечаток древней татарской архитектуры. А в 1840-х г.г. и комендантский дом, а вместе с ним и последние остатки Ханского

дворца были снесены и на их месте выстроен теперешний Кремлевский дворец¹.

Таким образом, кроме зданий Сююмбекиной башни и Муралеевой мечети, мы не имеем в Кремле никаких монументальных сооружений, которые являлись бы современниками эпохи древней татарской самостоятельности. Пожары, происходившие в Кремле во время осады, разрушения, причиненные русской артиллерией, взрывы крепостных стен, от которых страдали и соседние здания, и, наконец, разрушительная деятельность самих русских войск после взятия Казани—все это способствовало массовому уничтожению построек, находившихся в городе. Особенно сильно пострадали при этом мечети. Русские, „ревнуя более о благочестии, нежели об интересах потомства“, на первых порах тщательно истребляли все, что могло напомнить мусульманскую эпоху существования города. Иван IV после своего торжественного вступления в Кремль „повелел истребить все существовавшие в Казани мечети и запретил вновь строить таковые, что было в конце XVI века подтверждено и грамотою царя Федора Ивановича“

¹ См. Загоскин. 99 стр.

(Акты Арх. Эксп. 1, № 358)¹. Таким образом, приходится удивляться не тому, как мало осталось в Кремле памятников татарской старины а тому, какими судьбами уцелели даже те памятники, которые в нем имеются...

Но, разрушая татарские мечети, которые оно считало очагами религиозного и национального фанатизма татар, Московское правительство в то же время усиленно строило здесь православные храмы и прилагало все меры к распространению христианства среди магометан и язычников, видя в „православной Церкви“ и ее служителях деятельного помощника и удобное вспомогательное орудие в деле удержания покоренного края в должном повиновении Московскому „самодержцу“. В одном только Кремле в ознаменование взятия Казани в первые же дни были выстроены три церкви: Спасская, о которой упоминалось выше, Киприана и Иустинии и Благовещенский собор, да помимо „ознаменования“, в дальнейшем были выстроены еще четыре церкви и два монастыря: Спасо-Преображенский и Троице-Сергиевский (впоследствии уничтоженный).

¹ Загоскин, 92 стр.

Выйдем из ограды Кремлевского дворца, чтобы сделать обзор памятников эпохи торжества русского торгового капитала,—так можно назвать эпоху, последовавшую за покорением Казани.

Благовещенский собор.

Перед нами—громада кафедрального Благовещенского собора с его высоким белым корпусом, нарядными главами, обширной папертью „в два марша“ и хорошо сохранившейся старинную архитектуру колокольной XVII века.

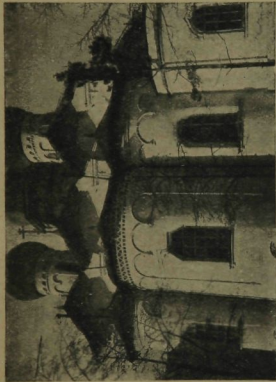
Не будем подробно останавливаться на истории собора; упомянем лишь, что закладка первоначально небольшого деревянного храма, стоявшего раньше на его месте, была, по летописным данным, произведена самим Иваном IV, который переживал состояние первого упоения победой и, очевидно под влиянием этого упоения, основывал церковь за церковью. Он же выбрал и место для собора „как раз напротив дворца татарских ханов и мусульманских мечетей, намеченных им уже к сношению“¹. В 1560-х г.г. известным уже нам Иваном Ширяем

¹ Загоскин. 113 стр.

„с товарищи“ на месте деревянного храма был выстроен большой каменный собор в стиле псковско-новгородских каменных храмов. Материалом для постройки служил тот же камень-известняк с нагорного берега Волги, что и для древнейшей части кремлевской стены.

Впоследствии собор неоднократно становился жертвою пожаров, бывших таким распространенным явлением в старой Казани, при чем каждый пожар неизбежно требовал новогоремонта. Помимо того, к собору производились позднейшие пристройки, напр., широкая паперть и одноэтажный пристрой трапезной части; на нем была переделана крыша, перестроены главы, из которых четыре, вместо прежней куполообразной формы приняли форму луковичную, а средняя была устроена в стиле украинского барокко¹. Словом, лишь с большими усилиями среди позднейших архитектурных наслоений можно отыскать следы работы древних псковских „каменьщиков“. Одним из таких следов являются примыкающие к восточной части три алтарных абсиды, из которых одна, средняя, украшена у карниза узорчатой

¹ П. Дульский. Указ. соч. 32 стр.

Снимок алтарных абсид Благовещенского Собора.

каймой, выполненной в любимом духе псковских мотивов¹. Этим же мотивом украшен поясок среднего барабана.

Гораздо лучше сохранилась колокольня собора, выстроенная, правда, уже в середине XVII века. Она представляет из себя высокое пятиярусное здание, в верхней своей части напоминающее архитектуру колокольни Ивана Великого в Москве. Между пятым и четвертым ярусами ее устроены три ряда ступенчатых кокошников, заменяющих собою крышу. Обращает на себя внимание также ее высокая позолоченная глава, по своей форме напоминающая русский шлем Московской эпохи, чего нет ни на колокольне Ивана Великого, ни на других храмах Московского Кремля.

Рядом с собором, к югу-востоку от него находится Казанский Архиерейский дом, соединенный с собором, по обыкновению, крытым переходом (в настоящее время здесь помещается Наркомпрос АТССР). Современное здание Архиерейского дома, выстроенное уже в XIX века, чего либо интересного в архитектурном отношении для нас не представляет.

¹ Дульский. Указ. соч. 27 стр.

Пройдем дальше по направлению к Спасским воротам. Мы идем по главной улице Кремля, носившей название Большой улицы; от нее отделялось несколько переулков.

Остановимся вкратце на вопросе о населении Кремля в XVI—XVII в.в.; о тех административных учреждениях, которые в нем находились, и общем облике его жизни в ту тревожную, полную национальных конфликтов эпоху, когда каждую минуту можно было ожидать восстания туземного населения против пришлых господ.

Население Кремля в XVI—XVII в. в.

Судя по описанию писцовой книги, „город—Кремль“ в XVI веке был заселен довольно густо, т. к. одних только дворов насчитывалось в нем около сотни¹. После выселения из Кремля прежних его обитателей—татарской аристократии и духовенства,—причем татарам был запрещен даже самый вход в Кремль—русское население Кремля состояло с одной стороны, из многочисленных представителей религиозного культа, с другой—из чинов высшей администрации, верхушек военно-служилого сословия и представителей той обширной бюрократической

¹ Дульский. 27 стр.

группы, которая со времени покорения Казани держала в своих руках все отрасли местного управления в городе и крае. Так, по Большой улице и по боковой улице (в восточной части Кремля) жили „священники и архиепископские люди“, а также сторожа, часовники и т. д. За Благовещенским собором стояли дворы казанских дьяков, числом одиннадцать. За Сююмбекиной башней располагались дома боярских детей¹, местных и ингородных, да дома старых и новых жильцов². Впрочем, большая часть детей боярских, которых в Казани было оставлено Грозным до 1500 человек, жили в посаде, наряду с прочими ратными людьми: стрельцами, пушкарями, кузнецами, казаками и т. д., каковых числилось более 3000 человек. За современным зданием бывшего юнкерского училища параллельно крепостной стене и Большой улице шла Сергиевская улица, на которой стояли дома младших воевод

¹ Дети боярские — провинциальное дворянство, составлявшее в Московском войске регулярную конницу.

² Жильцы — Московское среднее дворянство, составлявшее при Дворе нечто вроде отряда царских телохранителей; с половины XVI века их стали рассылать по отдельным городам с назначением им земельных угодий и денежного жалованья.

Казани, князей Лысковых, Троекуровых, Булгаковых. Наконец, вблизи Спасских ворот, в самой возвышенной части Кремля, там, где теперь находится здание бывшей военной гауптвахты, стоял так называемый „Государев двор“.

Воевода.

В нем жил „Большой воевода“, являвшийся высшим представителем администрации в крае и пользовавшийся здесь самыми широкими, как гражданскими, так и военными полномочиями, вплоть до высылки карательных экспедиций против обнаруживавших неповиновение или просто неисправных в уплате дани деревень и улусов. Где-нибудь тут же, около „Государева двора“ поставлена была, вероятно, и „приказная палата или изба“; это средоточие всего воеводского управления в Московском государстве, где воевода собирался с товарищами своими, где они обсуждали меры по управлению и суду, где хранилась и „Государева казна“.

Кроме суда воеводского, в Казани с 60-х г.г. XVI века был введен еще особый суд для важнейших уголовных преступлений, который сосредоточивался в так наз. „губных учреждениях“ с их губными старостами и целовальниками,

выбравшимися населением из среды местного дворянства и наиболее зажиточных посадских людей. В той же части Кремля, у противоположной его стены, как необходимое дополнение к воеводскому аппарату управления и суда, стояли три тюрьмы, о которых мы говорили выше. Теперь от воеводского двора, как и от тюрем, не осталось никаких следов. По всей вероятности, он был уничтожен одним из многочисленных пожаров и больше не возобновлялся. Казанская писцовая книга XVI века дает очень детальное описание „Государева двора“, из которого видно, во-первых, что он был выстроен из дерева, во-вторых, что для своего времени это было довольно большое здание, о чем может говорить хотя бы тот факт, что столовая, зимой служившая воеводе приемной, имела „6 сажен меж углов“, а летняя приемная, сени, имела 7 сажен длины и 6 ширины. Со всеми пристройками и службами воеводский двор занимал в юго-восточной стороне Кремля площадь в 1500 квадратных сажен (60 сажен вдоль Большой улицы и 25 сажен по направлению к боковой стене Кремля, но все же не доходя до нее, так что между стеной и „двором“ оставался проулок

на который выхолило заднее крыльцо „дво а“).

Общественный быт Кремля в XVI веке.

Что касается общего облика жизни Кремля в XVI веке, то из той же писцовой книги мы узнаем, что во 2-ой половине XVI века в Казани был установлен чисто военный режим; что Казань того времени, выражаясь современным языком, постоянно находилась на военном положении. На заново отстроенной кремлевской стене днем и ночью расхаживали стрелецкие караулы; из амбразур и стрельниц смотрели дула пушек и пищалей; у подножия стен, в полукруглых нишах, и в нижних этажах башен лежали груды запасенных на случай обороны материалов: ядра, камни, бочки со смолой и т. п. Тут же в Кремле, в Муралеевой мечети и в Ханском дворце, были устроены пороховые и вещевые склады. Городские ворота все затворялись на ночь особыми „городничими“ и ключи от них передавались „боярину и воеводе большому.“ Сам большой воевода обязан был каждую ночь об езжать Кремль, лично проверяя караульные посты. По по-саду „денно и ночью“ раз'езжали особые

об'езды из детей боярских, наблюдая не только за безопасностью города в оборонительном отношении, но и за полицейскими порядками в нем,—„чтобы корчемного и некоторого лиха не было, и огнев бы не во время на дворах не держали“ и т. п.¹.

Прибавим к этой картине еще ежедневный „благовест“ к „заутреням“, „обедням“ и „вечерням“ с многочисленных кремлевских колоколен; характерные фигуры монахов, попов и дьячков, заселявших самую оживленную улицу Кремля; группы нищих и колодников, заунывными голосами просящих на папертях церквей у богомольцев подаяния; толпу челобитчиков, ежедневно теснившихся у воеводского двора и приказной избы; наконец, плотников и каменщиков, то и дело ремонтировавших и отстраивавших кремлевские здания или после нового, очередного пожара, или по случаю расширения воеводских, „владычных“ или монастырских покоев и служб,—и мы получим некоторое отдаленное представление о внешнем облике кремлевской жизни в XVI веке.

¹ Пинегин, 104 стр.; Загоскин 126. стр.

Преображенский монастырь.

Для того, чтобы закончить нашу экскурсию, нам необходимо осмотреть еще два памятника XVI века—это Спасо-Преображенский монастырь и церковь Киприана и Иустинии, находящиеся в юго западной части Кремля, против того места, где когда-то стоял воеводский двор. Взглянем сначала на главные монастырские ворота, выходящие на Большую улицу, и высокую колокольню над ними. Справа от арки ворот в монастырской стене, на высоте приблизительно $2\frac{1}{4}$ метров, вделана медная, позеленевшая от времени доска, на которой славянской вязью вырезана надпись, что „сие оградное строение“ вместе с воротами, „а на вратах церковь Пресвятыя Богородицы Положения Честныя ризы“¹ выстроены в 1670 году. Самый же монастырь был основан и первоначально отстроен еще раньше, в 1556—60 г.г. Но колокольня, возвышающаяся над воротами, и живописные изображения на воротах представляют уже произведения позднейшего времени.

Обогнем с правой стороны угол ограды и боковыми воротами войдем во двор монастыря.

¹ Загоскин, 113 стр.

„Обыденная церковь“.

Подходя к воротам, мы справа от них видим счень небольшую по размерам церковь самой простой архитектуры с одной главой наверху. Это—та самая „обыденная“ церковь Киприана и Иустинии, которая, по преданию, основана и даже за свой счет оборудована самим Иваном IV также в „ознаменование“ покорения Казани. Первоначально деревянная, эта церковь сгорела во время большого пожара 1595 года и на месте ее в следующем же году выстроена каменная с точным сохранением и внешнего вида, и размеров старой деревянной. В самом начале XIX века эта церковь, пришедшая в состояние ветхости, была реставрирована на суммы, „пожертвованные на этот предмет казанским дворянством“. Никаких предметов древности в ней не сохранилось. Таким образом, единственное, что в этой церкви напоминает нам XVI век, это—ее размеры и архитектурные формы.

Слева от ворот, против Киприановской церкви стоит полуразрушенное двухэтажное здание бывшего монастырского общежития, находящееся теперь в ведении

Музейной комиссии. Между первым и вторым этажами этого здания в одной его части проходит оригинальный карниз-поясок, выложенный кирпичем „в ребро“, по своему узору и его архитектурному вывялению несколько напоминающий карниз средней алтарной абсиды Благовещенского собора. Этот карниз—остаток декоративного украшения старой монастырской стены, часть которой была использована при постройке монастырского корпуса в качестве стены нижнего этажа. На всем же остальном протяжении со стороны Киприановской церкви стена в XVIII веке была разобрана, вследствие расширения монастырского двора. Огибая стену, идем к зданию монастырского, Спасо-Преображенского собора.

Монастырский собор.

Законченное постройкой в 1601 году, каменное здание собора, на котором было затрачено вероятно немало дарового труда прихожих „богомольцев“ и монастырских крестьян, своей архитектурой в XVII веке приводило в восхищение современников, один из которых, напр., писал, что новоустроенная церковь „изрядна и прекрасна лепотою устроися о пяти главах“¹. Теперь,

¹ П. Дульский, 48 стр.

к сожалению для любителей старины, только кое-где, напр., на алтарной абсиде „сохранились намеки стильности... бывшего убранства собора: пояски, идущие вокруг стен, выложенные из кирпича в ребро, карнизы, полуколонки и т. д.“¹. Весь же собор в целом, благодаря неоднократным перестройкам и надстройкам отдельных частей, совершенно изменил свой прежний архитектурный облик. Обширное здание собора с его пристройками, также как и здание кафедрального собора, в настоящее время, в сущности, интересует нас больше, как наглядная иллюстрация той колоссальной, непроизводительной растраты материальных ресурсов страны на религиозные нужды, какую производили правящие классы московского общества, разумеется, за счет народных масс. Когда мы пытаемся представить себе, какое количество рабочих дней при тогдашней строительной технике должно было пойти для сооружения этих соборов и других кремлевских церквей; когда мы читаем списки тех пожертвований и вкладов, которые делались в церкви и монастыри князьями, боярами, именитыми

¹ П. Дульский, 49 стр.

„гостями“, дьяками и подьячими от своих „трудовых“ избытков и „праведных“ прибылей; в особенности, когда мы видим самые эти пожертвования; когда, наконец, видим наличие такого большого количества церквей в Кремле, этом главном средоточии местной правительственной администрации, то мы яснее представляем себе, какое количество трудовой народной энергии совершенно непроизводительно поглощалось церковью в ту эпоху; мы как-то осязательнее чувствуем связь церкви с господствующими, эксплуататорскими классами, равно как и со стоящим на страже интересов этих классов аппаратом государственной власти. Припомним, что именно в эпоху торгового капитала, по мере развития самодержавно-бюрократического аппарата, все более ширился и креп и аппарат церковного управления; что в ту эпоху церковь пользовалась наивысшим влиянием на государственные дела, и являлась одной из наиболее стойких и надежных опор развивавшегося самодержавия; а в свою очередь, и государственная власть платила ей тем же, давая ей, в лице своих отдельных представителей, щедрые материальные подачки и усердно преследуя еретиков и „раскольников“.

Не задерживаясь более на осмотре монастырских зданий, мы можем, если позволит время, тут же пройти на кремлевскую стену, которая в этом углу Кремля занесена землей почти до-верху. Здесь мы можем измерить толщину стены своими шагами или каким-нибудь инструментом; можем взглянуть сквозь узкие отверстия стрельниц на виднеющуюся где-то внизу улицу и проверить наше первоначальное впечатление о „непрístupности“ Кремля в XVI веке; можем, наконец, заглянуть и в башни: Преображенскую и в башню на юго-западном углу Кремля, чтобы осмотреть их внутреннее устройство, а, кстати, и убедиться в их запущенном состоянии.

Затем мы можем побывать и на Спасской башне, если заблаговременно возьмем пропуск из кремлевской комендатуры, чтобы еще раз, с высоты птичьего полета, взглянуть вниз, на кремлевские стены, башни, улицы и здания и отчетливее запомнить полученные нами во время экскурсии впечатления.

И. Андреевский.

СЮЮМБЕКИНА БАШНЯ.

Если вы пройдете от Университета до конца Чернышевской улицы, войдете через Спасские ворота в Казанский Кремль и пройдете по его главной улице до спуска к Тайницким воротам, вы увидите перед собой Сумбекину башню, самый замечательный и, вместе с тем, наиболее спорный памятник Казанской старины, происхождение которого, до сих пор, вызывает разногласия и не окончательно разрешено наукой.

Сумбекина или, как правильное ее называть, Сююмбекина башня расположена в северо-восточной части Казанского Кремля, водворе бывшего губернаторского дворца, ныне занятого центральными правительственными учреждениями Татарской Республики. Высокая, многоярусная, кирпично-красного цвета, стройным силуэтом возвышается она над городом, лаская взор наблюдателя и являясь как бы символом минувшей славы казанских ханов. Уже давно

Сююнбекина башня.

уничтожено Казанское царство, давно варвары—завоеватели, путем насилия, насаждавшие христианство, разрушавшие татарские мечети, гробницы и т. д., и стихийные бедствия—пожары уничтожили следы татарского зодчества; только Сююмбекина башня, окутанная многочисленными легендами, как будто до сих пор олицетворяет собой забытое историческое прошлое Казанского края, храня в течение многих столетий тайну своего происхождения.

При первом же внимательном взгляде на башню вы обращаете внимание на некоторое ее несоответствие с архитектурным стилем Казанского Кремля, носящем на себе типичные следы русского строительства XVI—XVII в. Тут же перед вами, рядом с башней, почти в центре Кремля, возвышается огромное монументальное здание Благовещенского Собора почти правильной кубической формы, отягченное тяжелыми барабанами и куполами. Перед входом в Кремль вы уже обратили внимание на Спасскую башню приземистую, массивную, не особенно высокую, зато раздавшуюся в ширину, которая обличает простую работу русских мастеров XVI—XVII в., заботившихся не столько о красоте, сколько о прочности постройки.

Теже черты отличают формы стен и угловых башен Кремля. Если вы теперь сравните эти интересные, своеобразно-красивые, но грузные и тяжеловатые строения с высокой и тонкой, как игла, Сююмбекиной башней вы убедитесь в том, что они мало гармонируют друг с другом. Это несоответствие Сююмбекиной башни с общим архитектурным обликом Казанского Кремля, большое количество легенд связанных с этой башней и, наконец, красота ее форм давно обратили внимание исследователей, которые, в первую очередь, пытались разрешить вопрос о времени ее происхождения. Следует отметить, что вопрос этот отнюдь не является легким, во-первых, потому что у нас в России очень часто, по замечанию исследователя Заринского, „один век повторял архитектурный стиль другого века“¹ и, во-вторых, потому что о Сююмбекиной башне нет никаких упоминаний в древнейших памятниках Казанской истории.

В настоящее время существует несколько мнений о времени происхождения башни Сююмбеки: одни исследователи приурочивают ее к эпохе татарского царства, другие,

¹ См. Заринский, „Очерки древней Казани“, К. 1877 г. 80 стр.

наоборот, признают ее памятником русского зодчества и приписывают ее постройку то царю Алексею Михайловичу (XVII в.), то Анне Иоанновне (XVIII в.). Как могла сохраниться башня от татарской эпохи, спрашивают они, когда в 1552 г. русскими был сожжен почти весь город, уничтожены все татарские религиозные памятники? При этом они совершенно упускают из виду, что ведь сохранились же после этого Муралеева мечеть и остатки Ханского дворца, последние следы которого были уничтожены только в 30—40 г.г. XIX в. Очевидно, могла уцелеть и башня, тем более, что русские могли использовать ее для военных целей, как укрепленный пункт и как дозорную вышку. Отнесение ее постройки к эпохе Алексея Михайловича основывается, гл. обр., на монетах найденных под бывшей дворцовой церковью, сохранившейся до настоящего времени и непосредственно примыкающей к Сююмбекиной башне. Но, во-первых, эти монеты могли попасть сюда, как нибудь случайно (при многочисленных перестройках, например), во-вторых, вполне доказано, что здание самой церкви, под которой были найдены монеты, построено на древнем фундаменте татарской Муралеевой мечети, т. е.

следовательно само до некоторой степени татарского происхождения. Вышеприведенный мотив оказывается, т. обр., совершенно неосновательным. То обстоятельство, что в царствование Анны Иоанновны Сююмбекина башня служила воротами во двор оберкомендантского дома и над ней был водружен царский герб, как об этом упоминают источники, заставило некоторых исследователей отнести ее постройку к XVIII в., но упомянутые обстоятельства еще не означают того, что башня была именно построена в это время, тем более, что о таком значительном для Казани событии очевидно должны были бы сохраниться какие нибудь сведения в Казанских исторических документах, которых однако мы нигде не встречаем. Из новейших исследователей Грабарь¹ относит время постройки башни Сююмбеки к концу XVII в., не указывая дату более точно и базируясь, гл. обр., на ее сходстве с Боровицкой башней Московского Кремля, надстроенной в конце XVII в. Впрочем, это сходство может быть отлично об'яснено, как мы это увидим ниже, позднейшими видоизменениями башни Сююмбеки, уже в русский период существова-

¹ См. Грабарь, „История русского искусства“, т. II.

ния Казани, да и сам Грабарь признает вероятность того, что она построена на древнем основании одной из 14 каменных башен, стоявших среди дубового города времен татарского князя Едигера; отсюда только один шаг до признания ее памятником татарской старины.

Итак, все приведенные выше данные в пользу отнесения Сюмбекиной башни к русскому периоду существования Казани следует признать в достаточной мере шаткими, основанными часто на случайных фактах, поэтому большинство исследователей признает, что башня Сюмбеки несомненно татарского происхождения. Этот вывод доказывается: во-первых, почитанием башни со стороны татар, которые до последнего времени придавали ей священное значение и глубоко убеждены в том, что она является памятником татарской старины. Было бы странно допустить такое отношение к строению, воздвигнутому после завоевания Казани властью, ненавистной татарскому населению. Во-вторых, татарское происхождение башни стоит в связи с существованием у татар многочисленных легенд и преданий о возникновении Сюмбекиной башни; среди этих преданий, некоторые утверждают, что башня — остаток ханского дворца, другие

прибавляют к этому, что под башней, в глубоких недрах земли, похоронен благочестивейший магометанин, из черепа которого бьет родник, образующий и ныне под крепостной стеной, около реки Казанки, неподалеку от Тайницких ворот, Тайничный ключ. Из этого ключа в 1552 г., во время осады Казани русскими, татары брали воду, и он являлся единственным для всего города источником чистой, незараженной воды. Третья группа преданий утверждает, что башня — это мечеть или грандиозный мавзолей, построенный царицей Сююмбекой над могилой своего мужа, хана Сафа-Гирея; по имени этой царицы она и получила свое название. Наконец, до начала XIX в. среди татар ходили слухи, что в золоченом шаре на шпиге башни хранятся какие-то таинственные и важные для татар документы. Слухи были настолько упорны, что в 1830 г., по распоряжению министра внутренних дел, вызолоченный шар, в присутствии представителей от татарского населения, был снят и раскрыт: в нем, конечно, не оказалось никаких документов; сделанный из латуни, шар был в нескольких местах пробит молнией.

Только что описанный случай с латунным шаром лишний раз доказывает, что

никогда нельзя принимать на веру того, что сообщается легендами, что к ним всегда требуется самое строгое критическое отношение, но самый факт существования легенд и широкое распространение их среди населения может иметь известное значение в историческом исследовании и в нашем случае может служить некоторым доказательством в пользу татарского происхождения изучаемого нами исторического памятника. Но это не все; оказывается, и в содержании легенд о Сююмбекиной башне есть известная доля правды. Прежде всего сама личность царицы Сююмбеки не есть плод народной фантазии, наоборот, это лицо вполне реальное, историческое, о биографии которой имеются достоверные сведения: она была дочерью могущественного Ногайского князя Юсуфа и женою трех последних казанских царей—Джан-Алея, Сафа-Гирея и Шиг-Алея. Тринадцати лет Сююмбека была выдана замуж за 15 летнего казанского царя Джан-Алея; последний навлек на себя неудовольствие аристократической крымско-ногайской партии, во главе которой стоял отец Сююмбеки, князь Юсуф. Составился заговор, участники которого умертвили Джан-Алея и на его место избрали

Сафа-Гирея, три года тому назад свергнутого с казанского престола и изгнанного из царства. Имея уже 4-х жен, он взял еще пятую, красавицу Сююмбеку, которая сделалась главной женой нового хана, благодаря влиянию своего отца, которому Сафа-Гирей был обязан престолом. Горький пьяница и развратник Сафа-Гирей умер через 13 лет, в 1549 г. Предание так описывает его смерть: однажды, будучи пьян, он хотел умыть себе руки, причем запнулся ногами, упал головою на умывальник и о палатный пол так разбился, что все кости и суставы у него расслабли, и он тут же умер. После смерти мужа, за малолетством старшего сына Утемышь-Гирея, управление Казанским царством фактически перешло в руки Сююмбеки, но вскоре, однако, спустя полтора, два года (после несчастной любви Сююмбеки к крымскому татарину, красавцу Кучак-Оглану, навлекшему на себя ненависть казанской аристократии и казненному в Москве), по повелению Иоанна Грозного, она лишена была власти и должна была передать управление царством присланному из Москвы Шиг-Алею. Сама царица с сыном в 1551 г. была отправлена в Москву, в целях прекращения крымской династии и ут-

верждения на казанском престоле царя Шиг-Алея.

Народная молва опозитизировала от'езд царицы Сююмбеки из Казани; в ярких красках рисует она отчаяние царицы перед от'ездом в Москву и ее последнее, прощальное посещение мечети, построенной над гробом ее мужа Сафа-Гирея. В то время как рыдала царица, вокруг мечети, по словам легенды, собирались толпы народа, слышались возгласы возмущения и угрозы побить камнями воеводу, присланного из Москвы за царицей; волнение грозило перейти в вооруженное восстание... Когда в колымаге увозили Сююмбеку из города, народ падал перед ней на колени и плакал; до самого Свияжска провожали царицу воеводы и вельможи казанские на стругах, а простые жители толпами шли по берегам Казанки и Волги.

В только что приведенной легенде для нас главный интерес имеет упоминание о мечети, построенной над гробницами татарских ханов, в которой плакала Сююмбека. Существование такой мечети в татарской Казани подтверждает, между прочим, князь Курбский в своих описаниях города. Он даже указывает местонахождение ее „на

горе от реки Казани“, т. е., приблизительно на том же месте, где теперь стоит Сююмбекина башня. Именно на этой горе, по его словам, стояли: „палаты царские и мечети зело высокие мурованные, идеже их умершие цари клались числом, помнится мне, пять“, и дальше: „потекохом, рассказывает он о наступлении русских войск на город, ко градским стенам и к той великой башне, яже пред враты стояла на горе“¹. В Писцовой книге, тоже несколько раз упоминается о стоявшей близ Муралеевых, ныне Тайницких, ворот „мечети, что была Муралеева“. Очень возможно, что эта мечеть названа так в Писцовой книге по имени знаменитого казанского князя Муралея, очень знатного происхождения, полный титул которого: „Карач Казанский большой, Ширин, Муралей князь Булатов“². По всей вероятности он ~~перестроил~~²⁸ или украсил ту самую мечеть, в которой погребались казанские ханы и о которой упоминают татарские легенды в связи с отъездом царицы Сююм-

¹ См. Заринский, „Очерки древней Казани“. К. 1877 г. 148—149 стр. и Невзоров „О Сююмбекиной башне“. К. 1894 г. 8 стр.

² См. там-же.

беки из Казани и князь Курбский в своих описаниях города; поэтому она и была названа в Писцовой книге по имени Муралея. Впоследствии народное предание соединило с этой мечетью воспоминание об отъезде царицы Сююмбеки и, вместо Муралеевой, она стала называться в народе „Сююмбекиной“, или, как это легче для произношения, просто „Сумбекиной“.

Следовательно, в татарской Казани, рядом с тем местом, где теперь возвышается Сююмбекина башня, стояла главная Муралеева мечеть с высоким минаретом, „великой башней“, как ее называет Курбский; сама мечеть после завоевания Казани в 1552 г. была уничтожена и превращена в православную церковь и в таком виде просуществовала до начала XIX в., минарет же бывшей Муралеевой мечети, вероятно, сохранился и послужил древним основанием для современной Сююмбекиной башни. Именно этот минарет, должно быть, подразумевали Писцовые книги под названием Муралеевой мечети, т. к. в то время, когда писались эти книги, сама мечеть уже не существовала, а была переделана в Введенскую церковь. Этот вывод, опирающийся на показания князя Курбского и Писцовых книг,

еще раз доказывает татарское происхождение Сююмбекиной башни (об этом же свидетельствуют, как мы видели выше, многочисленные татарские легенды и издавна укоренившееся почитание башни татарами) и, кроме того, разрешает вопрос об ее древнем назначении, вопрос, тоже вызывавший не мало разногласий, на который давались самые разнообразные ответы—то, что мы теперь называем Сююмбекиной башней, вернее основание ее, было когда-то минаретом главной Муралеевой мечети, воздвигнутой над гробницами казанских ханов.

Вместе с этим делается ясным, откуда произошло ее название: она так называется потому, что была минаретом той самой мечети, в которой плакала царица Сююмбека перед отправлением ее из казанского царства в Москву.

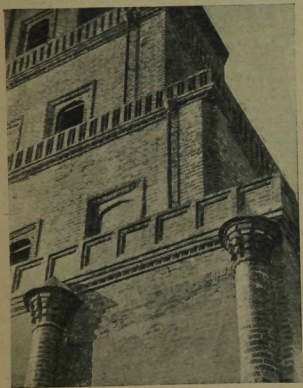
Если следует признать доказанным татарское происхождение Сююмбекиной башни, это вовсе не означает того, что она существовала в татарской Казани в том же виде, в каком мы ее видим теперь. Всякому, конечно, ясно, что в течение своей многовековой жизни архитектурные формы башни, ее внутренний и внешний вид не раз подвергались изменениям. По всей

вероятности только первый этаж, следовательно только самое основание башни, или, может быть, три нижних этажа ее, несколько отличающихся по своей форме от 4-х верхних ярусов, составляют древнюю постройку минарета, остальная часть ее надстроена в позднейшее время. Вот почему, между прочим, нельзя при определении времени происхождения Сююмбекиной башни исходить из анализа ее современных строительных форм, как это рекомендует делать Дульский¹, поскольку эти последние сравнительно недавнего, более позднего происхождения, чем сама башня. Но зато этот архитектурный анализ совершенно необходим нам для того, чтобы определить время, когда же башня была окончательно переделана и когда над ней была сделана надстройка, придавшая ей ее современный вид. К архитектурному описанию Сююмбекиной башни мы теперь и переходим.

Башня представляет собой большое семи-ярусное сооружение, высотой в 33 метров и имеющее в основании площадь в 140 квадратных метров. Первые три этажа ее имеют

¹ См. Дульский, „Памятники Казанской старины“. К. 1914 г.

форму куба и заканчиваются открытыми, круговыми гульбищами или террасами, окруженными невысокими каменными стенками — парапетами, орнаментированными с наружной стороны узором из кирпича. В нижнем этаже башни проделаны сквозные арочные ворота и с боков имеются отверстия для входа во внутренние каменные лестницы, ведущие во второй этаж, освещаемые небольшими круглыми оконцами. Верхние четыре яруса башни восьмигранные, причем 6-й ярус носит характер усеченного шатрового покрытия, в стенах которого проделаны небольшие круглые окна; на нем покоится дозорная вышка с высоким шпилем, украшенным полумесяцем, с которой открывается роскошный вид на Казань и ее окрестности. Общий вид и характер постройки Сююмбекиной башни сильно напоминает Московскую Боровицкую башню (XVII в.). Обе они значительно удалились от обычного типа крепостных башен, распространенных в древне-русском крепостном зодчестве, и являются скорее дозорными вышками, предназначенными для наблюдения за окрестностями. До XVI—XVII в.в. эти дозорные вышки строились в России обыкновенно из дерева, но частые пожары и др. причины заставили подумать о замене их более прочными соору-

Сююнбекина башня (деталь).

жениями и XVII в. в московском крепостном зодчестве характеризуется, как раз, появлением каменных вышек и башен (типа Боровицкой башни, надстроенной в конце XVII в.), приспособленных, главным образом, для несения дозорной службы. Сходство Сююмбекиной башни с Боровицкой башней Московского Кремля и общий характер ее постройки, превращающий ее в дозорную вышку, заставляют, таким образом, предполагать, что она была построена, вернее переделана и надстроена русскими над древним татарским минаретом, в середине или конце XVII в. Подтверждением этого могут служить некоторые архитектурные детали башни. Шестой этаж ее, как уже отмечалось выше, имеет форму усеченного шатрового покрытия, но каменный шатер, по свидетельству Грабаря¹, появляется в русском строительном искусстве не ранее XVII в. и особенно широко начинает применяться как в церковном, так и в военном зодчестве в XVII в. Именно в это время появляются в России известные, весьма своеобразные трехшатровые церкви, а в крепостях, над воротами и башнями, строятся

¹ Грабарь, „История Русского искусства“, т. II.

каменные шатровые верха, придающие им нарядность, до того времени почти совершенно чуждую русскому крепостному искусству.

Если мы теперь подвергнем анализу орнамент Сююмбекиной башни, то и здесь мы найдем кое-какие ценные для нас указания в смысле определения времени переделки башни русскими. Вообще говоря, башня орнаментирована довольно бедно, украшены, гл. образом наружная сторона стенок террас и окна; только фасад нижнего этажа башни с двух сторон имеет по четыре полуколонки, поднимающиеся от основания башни до парапета первой террасы; полуколонки опираются на довольно высокие, четырехугольные базисы и заканчиваются капителями; каждая капитель отделена от стержня полуколонки небольшим валиком и украшена вертикальными рядами ступенчатых выступов. В основании орнамента стенок первой террасы лежит сплошной горизонтальный ряд кирпичей, вставленных ребром и образующих, т. образом, зубчатый пояс вокруг башни. Над этим поясом лежит несколько продольных выступов, образующих карниз, и весь этот несложный рисунок заканчивается рядом правильных

четырехугольных углублений, с небольшим окаймлением каждое, идущих вдоль стенок террасы. Орнамент стенок второй и третьей террас несколько отличается от описанного: они также имеют зубчатый поясok из кирпичей и карниз, но верхняя часть рисунка у них различна, как это можно видеть на снимках, а именно: украшение стенок второй террасы заканчивается рядом вертикальных углублений, внутри которых по середине сделаны двухскатные валики, украшение третьей террасы кончается просто небольшими прямоугольными углублениями в стенках ее.

Форма окон башни (с полукружием наверху) и их украшения весьма типичны для древне-русского зодчества. Окна второго, третьего и четвертого этажей имеют вокруг себя очень простые четырехугольные обрамления, состоящие из ряда валиков. Окна 6-го яруса лишены обрамления, но над ними проходит валик, образующий полукруг вокруг верхней части окна.

Необходимо теперь отметить, что весьма характерными элементами русского орнамента XVI—XVII в.в. являлись карнизы, валики, колонки и полуколонки, ряды поясов с гранями и т. д., которыми украшались

обыкновенно здания, но из этих же как раз элементов, как мы только что видели, и составляется собственно весь рисунок орнамента, украшающего Сююмбекину башню, ничего особенно оригинального, своеобразного в нем нет, он целиком повторяет основные мотивы орнамента, распространенные в России в XVI—XVII в.в. Все это еще раз говорит за то, что башня Сююмбеки перестроена не раньше XVI, но, по всей вероятности, в XVII веке.

Архитектурный анализ, вскрыв некоторые черты русской архитектуры XVI—XVII в.в., помог нам определить время, когда над древним татарским минаретом выросла настоящая Сююмбекина башня—именно она появилась в середине или в конце XVII в. Мы видели, что она была построена по типу дозорной вышки и служила наблюдательным пунктом, откуда русские воины неустанно следили за окрестностями города. Позднее, приблизительно во второй половине XVIII в., нижний этаж башни был приспособлен для ворот обер-комендантского дома.

Ознакомившись с внешними строительными формами Сююмбекиной башни, не безинтересно будет обследовать ее внутреннее

устройство. Для этого необходимо подняться по внутренней каменной лестнице в помещение второго этажа—небольшую, четырехугольную комнату. С двух сторон она освещается окнами, в двух других стенах имеются только впадины для окон; пол каменный. На террасу специального хода нет, можно попасть только через окно. В двух углах комнаты сделаны отверстия для внутренних каменных лестниц, ведущих в третий этаж. Помещение третьего этажа освещается четырьмя окнами, имеет деревянный пол, но каменный сводчатый потолок: очевидно когда-то второй и третий этажи составляли одну комнату, сложенную выступом (на котором теперь настлан—деревянный пол) и имеющую две наружные террасы. Из третьего этажа идет деревянная лестница на наружную террасу первого восьмигранного яруса (четвертого снизу), которая имеет дверь во внутреннюю комнату, небольшую, довольно низкую, с каменным сводом, освещенную четырьмя окнами. Следующие ярусы соединяются между собой деревянными и небольшими каменными лестницами и заканчиваются наверху светлой восьмиугольной комнаткой, по три шага в длину и ширину. Последние 3 яруса башни, разделенные между

собой деревянными потолками, прежде составляли одну высокую комнату, суживающуюся кверху. Внутреннее устройство Сюмбекиной башни, подобно ее внешним формам, тоже подвергалось изменениям; раньше она имела только три внутренних помещения: первое занимало 2-й и 3-й ярусы, второе соответствовало четвертому ярусу и третье поднималось с пятого этажа до конца башни; в настоящее время каждому ярусу, кроме самого нижнего, соответствует свое особое внутреннее помещение.

В. А до.

ЗАПАДНАЯ КУЛЬТУРА И БАРОККО В КАЗАНИ.

Первая половина XVII века в русской жизни может быть отмечена, как очень любопытный период, связанный с деятельностью прибывавших в Москву иностранцев¹ и безусловно влиявших на вкусы и проявление художественной мысли² в русском обществе. Как раз к этому времени и относится появление у нас стиля барокко, в своей основе всецело связанного с западными веяниями, занесенными и претворенными в своеобразные формы на русскую почву. В развитии нашей культуры эта эпоха должна быть отмечена, как время крупных взаимоотношений с Европой, в

¹ Архитектура Москвы. Музей и достопримечательности Москвы. Путеводитель под ред. В. В. Згура. 405 стр.

² В. В. Згура. Проблема возникновения барокко в России. 1926. 22 стр.

особенности принявших интенсивный характер к концу XVII и началу XVIII веков. Ориентировка в Петровскую эпоху на Запад стала одной из основных целей всех предначертаний, которые под сильным давлением строгого режима проводились в жизнь. Учреждение у нас торгово-промышленных компаний, рекомендовавших завести связь с иностранцами, а также категорические приказы видным купцам¹ путешествовать и торговать в чужих краях не могли, конечно, тоже не отразиться на русской моде, русских вкусах и художественных затеях. Все эти причины как раз и послужили главной базой для зарождения у нас нового стиля, как в памятниках искусства, так и в создании новых бытовых условий жизни.

Каковы же особенности этого стиля барокко, занесенного к нам извне и увлекшего сначала Москву, а затем перекочевавшего в русскую провинцию?

Характерными отличительными признаками стиля барокко, появившегося в Европе после спокойно четкого ренессанса, как

¹ Проф. Н. Н. Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в 1 полов. XVIII в. Казань. 1922 г. 24 стр.

говорит О. Шпенглер, были «порыв в безграничный простор и выявление такого искусства, которое смогло бы увлечь зрителя пышностью, нарядностью и затейливой игрой своей внешности.» Мастера барокко и в особенности зодчие стремились воздействовать средствами живописности, добиваясь получения декоративных эффектов в обработке деталей иногда даже в ущерб общему.

Эта полоса увлечений новым стилем западной Европы вскоре же после его появления проникла в Польшу, Украину и Москву, не миновав затем и русской провинции.

Вельфлин, посвящая барокко специальное исследование, в своем введении характеризует его как „вырождающееся искусство эпохи ренессанса“¹.

Если рассматривать социальную почву, на которой создавался этот стиль, то время XVII и XVIII веков должно быть отмечено, как период появления нового класса буржуазии, которая и становилась законодательницей моды и „меценатом“ культуры². Внимательно вглядываясь в эти обстоятельства, не трудно определить, почему

¹ Г. Вельфлин. Ренессанс и барокко. 1913. 1 стр.

² В. М. Фриче. Очерки социальной истории искусства. 1923. 29 стр.

после сухого, спокойного, аристократичного ренессанса появился стиль, стремившийся к декоративности и пластическому выражению. „Пестрота и пышность“—таков был девиз стиля барокко, являющегося зеркалом общественно-бытовой среды.

Мы здесь не будем приводить характеристику образцов московского барокко, а устремим мимолетный свой взор на Поволжье, где не трудно будет сразу же отметить целый ряд ярких, типичных памятников этой эпохи. Ярославль (XVII в.), Кострома, Нижний, Казань, Астрахань—вот пункты, где увлечение этим стилем оставило некоторые свои следы. Лучшим образцом зодчества в Поволжье всегда считали Нижегородскую Строгановскую церковь собора богородицы, и совершенно до сих пор не обращалось должного внимания на Петропавловский собор в Казани, который тоже может быть отнесен к числу первоклассных памятников барокко.

Но прежде чем перейти к осмотру монументальных памятников этого периода, мы скажем несколько слов о том, кто являлся в Казани главным меценатом барокко, кто больше всего строил зданий в этом стиле у нас и какова была обстановка в Казани

для выявления этих новых форм архитектуры.

Средина XVII и особенно начало XVIII века в Казани выдвинули на первый план активным участником в строительстве городских зданий местное крупное купечество. Экономическое положение этого класса к началу XVIII века в Казани было довольно обеспеченное, т. к. источники указывают нам на то, что „первостатейные казанские купцы имели до ста тысяч в торгу“¹, а факт снабжения деньгами фабрикантом Михляевым Петра Великого при его посещении Казани² подтверждает еще более то, что купечество, конечно, обладало не малыми запасами капиталов по тому времени.

Конечно, имея материальные возможности, купечество стремилось как-нибудь отметить свое экономическое превосходство, и это у него в Казани в XVIII веке направлено было, главным образом, на сооружение гражданских и церковных зданий. Как раз в задачу нашего очерка и входит выделить

¹ Сведения о Казани 1739 года (оттиск из „Каз. Губ. Вед.“ 1852 г. № 19), 5 стр.

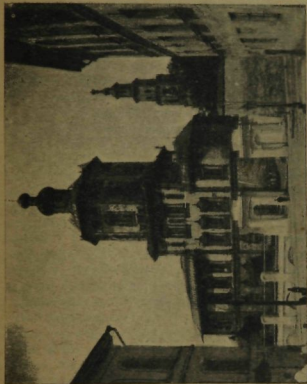
² Я. Посадский (Н. Агафонов). Первый шаг (Сборник), 417 стр.

основное из того, что связано с этим временем, этой эпохой, и ознакомить читателя с казанским барокко в виде прогулки по Казани XVII и XVIII веков.

Под'езжая на пароходе к Казани, не трудно бывает заметить рядом с вырисовывающимся силуэтом Кремля невдалеке стоящий отдельно вид здания Петропавловского собора. Как раз этот архитектурный памятник является лучшим образцом стиля барокко не только города, но и всего Среднего Поволжья.

Расположен этот собор в центре города, в Петропавловском переулке, вблизи улицы Чернышевского. Высокое местоположение, на котором построен собор, открывает вид на него со многих точек, а живописная внешность приковывает взор всякого, кто бывает в этом районе.

Существующее здание Петропавловского собора было выстроено фабрикантом сукон Михляевым в связи с пребыванием в 1722 г. в Казани Петра Великого и в честь совпавшего как раз со временем празднования пятидесятилетия рождения императора. Первоначальная постройка собора была неудачна, и здание, не будучи еще доведено до конца — рухнуло. Вскоре после этого были присланы

Петропавловский собор.

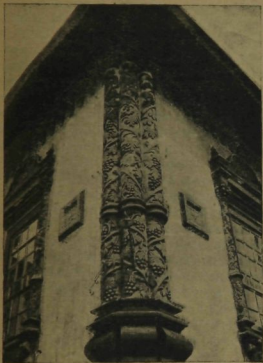
специально столичные мастера, перестроившие здание заново и закончившие его в 1726 году. По своему общему облику собор должен быть отнесен к типу ярусных храмов, особенно любимых по своей форме в московском зодчестве во второй половине XVII в. В плане Петропавловский собор имеет вид продолговатого четырехугольника с полукруглой абсидой. Над средней частью второго яруса несколько поднимается четверик, на котором стоит восьмигранник. Крыша гранника заканчивается шейкой без света, с небольшой главой, украшенной крестом и короной. Собор имеет две каменные лестницы, идущие на второй этаж—одна лестница начинается со стороны Петропавловского переулка и, огибая здание с юго-запада, поднимается к обширной паперти, опоясывающей его с запада и с севера. Другое крыльцо находится в конце этой же паперти, но с северной стороны.

Главной характерной особенностью этого памятника является его общий облик, дающий типичные строительные формы конца XVII века; расчлняя же некоторые массы собора, мы видим, что его гранник (без шатрового покрытия) и ходовая терраса еще более подчеркивают любимые строительные приемы барокко. Колокольня Петропавловского

собора, находящаяся отдельно от храма, тоже как раз соответствует установившимся в то время условностям барокко строить колокольни в стороне от храмов¹. К еще более выразительной части „барокко“ в Петропавловском соборе надо отнести скульптурные, нарядные украшения храма, рассыпанные почти по всем уголкам и частям строения. Наружная обработка стен украшена рельефными орнаментами, которыми унизаны все колонки, клейма, медальоны и порталы. Мотивами для лепных узоров послужили темы из растительного царства скомпонованные в гирлянды из виноградных лоз, груш, персиков и листьев.

Внутри собор также богато украшен лепкой. Композиция внутреннего убранства гораздо строже и выдержаннее, чем наружная скульптура — она более монументальна и пышна по своим массам. Главное место роскошной внутренней отделки принадлежит своду, украшенному медальонами, в которых вставлена живопись. Идея украшать своды и стены подобной обработкой была как раз в большой моде в конце XVII века, и мы видим увлечение этими декоративными

¹ О. Горностаев. Барокко Москвы. 1913. СХС стр.

Петропавловский собор (деталь).

приемами в Дубровицах,¹ Ростове-Великом² и в особенности в памятниках украинского зодчества. Надо сказать, что Петропавловский собор помимо своей архитектуры интересен еще тем, что вся его утварь очень стильная и как бы создает полный ансамбль монументального и прикладного искусства. Во всяком случае, этот памятник является незаурядным провинциальным образцом зодчества и в Казани он занимает главное, центральное место среди всего того, что здесь построено в стиле барокко.

Осмотрев Петропавловский собор, необходимо ознакомиться с Дрябловским домом, который был выстроен тем же Михляевым и находится тут же, на Гостиннодворской улице. По своему внешнему виду этот памятник гражданского зодчества, интересно украшенный барочными наличниками и поясками, дает представление о типичном здании зажиточного купечества XVIII века в Казани. Внутри Дрябловский дом сохранился только в своих общих архитектурных формах,³

¹ М. Красовский. Церкви села Дубровиц. Известия Арх. Комиссии. Выпуск 34. 59 стр.

² Борис Фон-Эдинс, Ростов-Великий, 107-108 стр.

³ В. В. Егоров. Внутреннее архитектурное убранство зданий Казани. 1927. 4 стр.

и поэтому судить об его внутреннем декоративном убранстве мы не можем. Но мы предполагаем, что его интерьер был, вероятно, своеобразно украшен, так как этот дом считался одним из лучших в городе и во второй половине XVIII столетия в нем помещалось даже дворянское собрание¹. Следующим памятником, на котором нам бы хотелось остановиться, будет Ильинская церковь (1722 г.?) в Мокрой слободе, но по пути к ней, спускаясь по Гостиннодворской улице к Проломной, нам надо будет на минутку задержаться и обратить внимание на интересную колокольню Николо-Низкой церкви (конец XVII в.). Она представляет собой ярусный тип постройки, украшенный в верхних своих частях над звонами живописными поясками из балясин. Ребра гранников замаскированы колонками, что придает общему виду ярусов мягкую округленность; как раз этот прием декоративной обработки мы встречаем в лучших образцах московского барокко².

Отсюда мы отправляемся к Ильинской церкви, находящейся вблизи вокзала. Цер-

¹ Архив Городской Думы. Дело № 45. 1816 г. 171 стр.

² См. И. Грабарь. История русского искусства. Выпуск 8. 425, 435, 443, 457, 458 стр.

G. Lukomskiy. Kiew. Orchis Verlag-München. P. 46, 59, 67, 73.

ковь эта уже издали выделяется своими стройными пропорциями. Выстроена она была во второй половине XVII века¹ и по своему декоративному убранству является очень характерной для своего времени.

Пышные наличники окон, кружевные карнизы опоясывающие четверик и восьмерик, красивые колонки, подчеркивающие основные формы здания, наконец разрывные небольшие фронтоны колокольни прекрасно иллюстрируют барочный стиль провинциальной архитектуры.

После осмотра Ильинской церкви мы рекомендуем отправиться в татарскую часть города и ознакомиться там с мечетями постройки XVIII века. Как это ни странно, но увлечение барочным стилем в Казани также оказало некоторое влияние и на вкусы татарской буржуазии. Соревнование с русскими, или же просто стремление не отстать от моды, вероятно, послужило поводом тому, что мечети Апанаевская и соборная Мерджани были построены в стиле барокко. Особенно богато разукрашены были эти два здания внутри скульптурой. Апанаевская мечеть по своему виду представляет

¹ Платон Любарский. Сборник древностей и т. д. 101 стр.

прямоугольное двухэтажное здание, украшенное минаретом. Временем построения мечети считают конец XVIII века и имеется исторический документ, свидетельствующий о том, что для постройки здания был выписан из Москвы архитектор¹; к сожалению, имя его нам установить не удалось. Сооружена была эта мечеть на средства „Якупа сына Султан Галея“². Как мы уже отметили выше, внешний вид здания довольно однообразен, и чуть ли не единственным украшением у него являются карнизы из городков. Вся пышность стиля барокко в этом здании выявилась во внутреннем архитектурном убранстве. Плафоны украшены сочными скульптурными узорами, расписанными красками, также довольно живописно выглядят изразцовые печи и изразцовая панель, выложенные красивыми плитками синего, голубого и серого цветов. Увлечение изразцовой декорировкой должно быть отнесено к чисто восточной черте татар, заимствовавших этот прием в Османском искусстве.

¹ Ш. Мерджани Мустафадиль Ахбар. 60 стр.

² Там же.

Апшаевская мечеть.

Мечеть, получившая впоследствии наименование Мерджани, была построена в 1766 г.¹ и по своим формам может быть отнесена к стилю „петербургского барокко“, принявшего некоторый уклон классицизма. Пиллястры и вытянутые вверх наличники над полуциркульными арками придают этому зданию вид строгой гражданской архитектуры, ничуть не напоминающей строение, предназначенное для служения культу. Принимали участие в постройке мечети Мерджани—„Абу-Бекер сын Ибрагима, Якуп сын неизвестного, Муртаза сын Юсуфа и Исхак сын Измаила“. В постройке участвовало 82 рабочих, и она обошлась около 5000 рублей².

Вблизи этих мечетей находятся несколько зданий гражданского зодчества, относящихся к XVIII веку и по своему архитектурному типу родственных стилю барокко. Сооружены эти особняки были татарским купечеством (Апанаевыми и друг.) для своих личных нужд.

Возвращаясь в русскую часть города, мы невольно обратим внимание на памятник архитектуры Елизаветинского барокко; это

¹ Ш. Мерджани Мустафадуль Ахбар. 12 стр.

² Там же.

единоверческая церковь четырех евангелистов, находящаяся на Набережной Кабана.

Пройдя „татарский“ мост через Булак и свернув на Георгиевскую улицу, мы подойдем к Суконной слободе, славившейся некогда своими фабриками. В XVIII веке здесь был воздвигнут целый городок суконных фабричных зданий, сначала принадлежавших казне, затем застраивавшихся купцом Михляевым и продолжавшими строительство Дрябловым и Осокиным. Эти старинные здания занимали участок в целый квартал¹. В настоящее время из всего того немногого, что здесь сохранилось, надо упомянуть про каменный корпус постройки 1753 г., который своим наружным видом хотя и не блещет большим художеством, но все же он не лишен некоторого убранства в виде узорчатых наличников и других мелочей, свидетельствующих о том, что строители старались не отставать от вкусов своей эпохи. Это здание еще любопытно внутри своими массивными сводами. Особенно стильна вделанная в наружную стену этого дома, орнаментированная плита с датировкой года постройки корпуса.

¹ М. Худяков. К истории казанского зодчества. „Каз. Муз. Вестник“ 1920 г. № 5—6. 34 стр.

Аппликационная мечеть. Декоративная обработка потолка.

Прогуливаясь по Георгиевской улице в этом же районе, можно увидеть еще несколько подобных домов, характеризующих строительство XVIII века в Казани.

Мы здесь не будем более подробно останавливаться на перечислении тех памятников барокко, которые по своему виду носят чисто подражательный характер и повторяют перепевы мотивов, уже встречавшихся в казанских строениях. Церкви Пятницкая, Евдокии, Георгиевская и другие все это плохие варианты лучших образцов местного же зодчества. Некоторым исключением возможно считать Смоленскую церковь в Ягодной слободе, стильно орнаментированную. Нельзя, конечно, обойти еще молчанием тот казанский барочный материал, который был вкраплен, как наслоение, к постройкам более раннего периода. К таковым переделкам надо отнести надстроенный фронтон к одной из стен Преображенского собора, главы Кафедрального собора и разрывные фронтоны-наросты основного четверика свияжского Успенского собора. Все эти переделки были выполнены под влиянием ставшего модным в Казани в 1730-х годах украинского барокко.

Заканчивая наш общий очерк, мы должны отметить, что стиль — барокко в Казани нашел

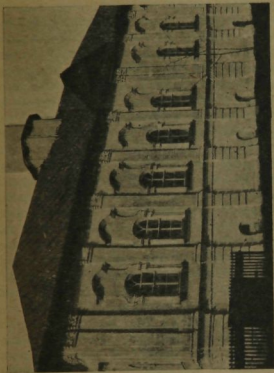
для себя хорошую почву. Главной экономической базой в строительстве казанского барокко, как мы уже выше указали, был преимущественно торговый класс, стремившийся не столько в силу своей фанатичности, сколько из определенного расчета как можно больше выстроить церквей; он также не забывал возвести и для своих нужд палаты солидной архитектуры.

К сожалению, полное представление о гражданском зодчестве стиля барокко нам выявить не представилось возможным, так как недостаточно сохранилось образцов этого стиля.

К главным элементам гражданского строительства в стиле барокко надо отнести декоративную обработку зданий в виде наличников и других деталей. По своему же общему характеру сохранившиеся памятники гражданского зодчества никаких новых приемов в конструкции, планах и расчленении масс совершенно не обнаруживают.

Более удачно сохранилось и выявило себя церковное зодчество барокко, памятники которого могут быть подразделены на несколько типов.

К первому типу казанских церковных зданий возведенных под влиянием московских

Мечеть Мерджани.

форм, мы отнесем ярусные, стройные образцы, в которых очень удачно сказались: пространственное разрешение масс, гармония пропорций и умелое применение декорационных мотивов. Примерами могут быть: Петропавловский и Владимирский соборы, Ильинская и Смоленская церкви. Эти памятники нам свидетельствуют о том, что постройки были возведены грамотными мастерами.

Ко второму типу мы отнесем менее нарядные и довольно скромные по своему об'ему памятники приземистого типа, несколько неудачные в своих неуклюжих конструкциях церкви: Евдокии, Пятницы, Варлаамия, Георгия, Архангельскую. Эти строения были возведены, вероятно, кустарями-строителями, мало дававшими себе отчет в художественных задачах архитектуры.

Третий тип казанских памятников с. ставляет „петровское барокко“, в которых четкость форм, а также общее художественное оформление зданий дали интересный строительный результат (церковь четырех евангелистов, мечеть Мерджани и др.).

Последний тип, имеющийся в местном зодчестве, это мотивы архитектуры, исполненные под влиянием „украинского барокко“, которые в целом не были применены, а

только были частично использованы в массах старинных зданий.

В заключение мы хотели бы заметить то, что „казанское барокко“ ярких достижений не имело, за исключением разве Петропавловского собора. Все остальное, что строилось в Казани, не выходило за пределы ординарного провинциализма; ни широты размаха, ни каких-либо самостоятельных исканий и художественных выводов эта эпоха Казани не принесла; главной причиной, конечно, является то, что при громадных материальных затратах не было, художественных исканий, да и не могло их быть, т. к. все порывы местной знати дальше своего личного вкуса не шли, а он у них, конечно, не мог блистать своей высокой культурой.

П. Дульский.

ДВОРЯНСКАЯ КАЗАНЬ.

Под „дворянским“ периодом жизни Казани, мы подразумеваем вторую половину XVIII и первую половину XIX века. Уцелевшие памятники этого периода могут выявить перед нами некоторые штрихи дворянской жизни в Казани.

Нужно, впрочем, оговориться, что по этим памятникам мы получим некоторое представление лишь о жизни среднего и мелкопоместного дворянства, так как знатные, богатые дворянские фамилии насчитывались в Казани единицами.

Экскурсию по „дворянской Казани“ удобно начать с Галактионовской улицы (б. Большая Лядская).

Мы входим в дом № 31 б. Баратынского, где сейчас помещается детский приемник № 3. Дом представляет из себя одноэтажный особняк, с типичной колоннадой и массой пристроек во дворе.

Эти пристройки — службы — необходимый атрибут каждого дворянского дома. Полунатуральное хозяйство среднего дворянства, создавало те условия, при которых главной формой дохода дворянина со своего имения являлась „натура“. Огромные запасы продовольствия, привозимые из поместья на зиму в город, требовали места для хранения. Кучера, дворники и другая многочисленная „челядь“ занимали также некоторую часть „служб“.

Расположение и устройство комнат в доме Баратынского является очень типичным для быта средней дворянской семьи начала XIX в.

Довольно широкая и пологая лестница ведет нас в прихожую — очевидно парадную, так как она непосредственно сообщается с залом, а около черного хода имеется еще одна маленькая прихожая, служившая, очевидно, ежедневным потребностям. Парадная прихожая — большая, светлая комната, рассчитанная на большое количество гостей.

Налево от нее — дверь в кабинет хозяина. Сохранившийся до сих пор несгораемый шкаф, вделанный в стену, свидетельствует о том, что здесь велись „дела“ — несложные дела барина, получавшего периодически продукты и деньги из своего имения и

проверявшего счета и отчеты своего управляющего. Наиболее типичным в доме является зал, выдержанный в классическом стиле, с белыми колоннами по обеим сторонам, с дверью на полукруглую со ступеньками террасу, с небольшими хорами под потолком. Зал—это центр дворянского дома, это—основное содержание его жизни. В доме Баратынского мы можем легко заметить скромность всех остальных комнат по сравнению с залом. Пусть „дела“ в поместьях будут и не совсем благополучны под влиянием все более проникающего в деревню капитализма—все равно—блестящая внешность должна быть сохранена; в залах должна все так же греметь музыка.

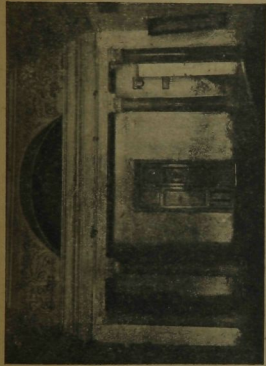
Налево от зала, витая лестница ведет наверх—в детскую. Мы видим довольно просторную комнату с колоннами. Здесь, совершенно изолированно от старших, живут дети со своими гувернерами—иностранцами. Расположение детской наверху типично для дворянской семьи. Дети не должны мешать спокойной и веселой жизни взрослых, пока они сами не смогут принять в ней участия.

В доме бросается в глаза резкое различие между двумя половинами его. В про-

тивоположность передней части дома—с большими, светлыми комнатами, комнаты, выходящие окнами во двор, почти все с низкими потолками, тесно расположенные. Это комнаты, предназначавшиеся, обыкновенно, для ближайшей комнатной прислуги и для престарелых родственников.

Выйдя из дома Баратынского, мы заворачиваем направо, выходим на ул. Карла Маркса и останавливаемся против дома № 61 бывш. Бронникова.

Внутреннее устройство дома, много раз переделывавшееся, уже не представляет особого исторического интереса. Типичным для дворянской эпохи является лишь внешний вид дома. Дом построен по принципу строго выдержанной симметрии: два небольших корпуса по бокам, соединенные узорным металлическим забором, а в середине, в глубине—большой корпус. Все три корпуса украшены колоннами, средний окружен террасой. Над колоннами возвышается типичный греческий фронтон. Классический стиль в искусстве—стиль богатой и ленивой аристократии древности—целиком отражен нашим дворянством, родственным греческой и римской аристократии своей экономической и политической ролью в государстве.

Дом 6. Баратынского, (XIX в.) Интерьер.

Дом Бронникова окружен садом, что тоже является очень типичным, так же, как и самое нахождение дома на бывш. Грузинской улице: очень характерен этот выбор тихой и зеленой улицы, лишенной торговли и шумного уличного движения. Спокойная, ленивая, сибаритская жизнь дворян стремилась и в городе создать себе подобие поместья.

Осмотр внутреннего устройства дома Баратынского и внешнего вида дома Бронникова, может дать нам некоторое представление о домашней жизни дворянства; представление, конечно, далеко не полное (какое дает, например, музей 40-ых г.г. в Москве), так как дома Баратынского и Бронникова не сохранены, как исторические памятники, а используются, как обычные, рядовые помещения.

Но все же, даже один только архитектурный облик этих домов отчасти выявляет основные черты эпохи: полунатуральный характер помещичьего хозяйства, исключительно-привилегированное положение господствующего класса—помещиков и бездельный, спокойный образ жизни дворян—помещиков. Экскурсия направляется дальше, к тем памятникам дворянской эпохи, которые будут характеризовать уже не личную,

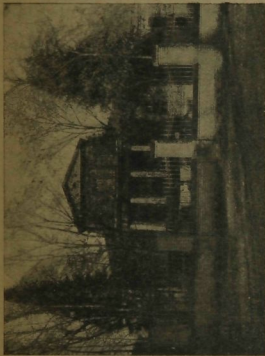
не домашнюю, а общественную жизнь дворянина и некоторые черты его идеологии.

Мы идем от дома Бронникова прямо по ул. К. Маркса до здания Дома Оборона (бывш. Дворянского Собранин). Здесь наша экскурсия останавливается снова.

Постройка Дворянского Собранин относится к 40-вым г.г. XIX в., но стиль и характер постройки вполне соответствует и более раннему периоду. Тот же классический стиль, те же колонны и фронтон, широкие и пологие лестницы, длинные и закругленные окна. Здание бывшего Дворянского Собранин необходимо, главным образом, для балов, и постройка этого здания была необходима для разгульного и беспечного дворянства.

Один из иностранцев, живших в Казани в 40-вых г.г. XIX столетия¹ так характеризует быт казанского дворянства этого периода: „Для тех, кто чувствует себя счастливым лишь на пирах да празднествах, кто любит раз'езжать по балам, делать и принимать визиты,—для тех, наконец, кому для счастья нужны шумные удовольствия,

¹ Турнерелли—лектор английского языка Казанского Университета.

Дом Бронникова на Грузинской улице (XIX в.).

Казань — настоящее Эльдorado; я смело могу утверждать, что нет другого города в мире, где бы чаще устраивались собрания для веселья, где бы больше обнаруживалось соревнование в устройстве пиров и удовольствий". Через неделю по приезде в город из деревень начиналось всеобщее устройство балов и *jours fix*'ов.

... Страсть к танцам у казанцев столь сильна, что они часто отплясывают по четырнадцати часов сряду". Естественно, что при таком направлении жизни, здание Дворянского Собрания является центром жизни города дворянской эпохи.

Напротив Дворянского Собрания красуется другой памятник дворянской культуры: памятник поэту Державину. „Певец Фелицы“, трубадур Екатерининского двора, наиболее яркий выразитель идеологии дворянства — получил от казанских дворян свое признание сооружением памятника. В 1846 г. по проекту академика Тона, с барельефами скульптора Гальберга, статуя Державина была поставлена на дворе Университета, но в 1871 г. она была перенесена на свое теперешнее место.

Памятник изображает поэта в момент творчества: он сидит в тунике, правая рука

поддерживает голову, левая—берется за лиру. На левой стороне памятника, барельеф изображает богиню Минерву, карающую мятеж. За богиней—Державин воспевает песнь против мятежа. Видна также Фемида, вместе с Апполоном; она зовет Державина к государственной службе. Эта сторона барельефа целиком отражает классовую основу творчества Державина: Минерва, карающая мятеж, символизирует собой литературные выступления Державина против Пугачевского восстания; Фемида указывает на дальнейшее,—приближенное к трону,—положение поэта. На правой стороне барельефа изображен Державин в сопровождении граций. Лира его оперлась на жертвенник, посвященный отечеству; Фемида слушает поэта. Эта сторона барельефа еще раз подчеркивает тот же классовый характер творчества Державина. Этот классовый характер не затемняется здесь и самим дворянским скульптором. Напротив, он выдвинут, подчеркнут. Наконец, западная сторона барельефа изображает аллегорически день и ночь, которые осыпают цветами творения Державина. Эти фигуры являются эмблемой трудолюбия поэта, его постоянных занятий.

Памятник производит впечатление очень цельного произведения. И самая поза Державина, и характер барельефов хорошо выдерживают и выявляют пафос ложноклассического стиля.

Памятник является прекрасной иллюстрацией к дворянской эпохе Казани. Пережившее страхи Пугачевского движения, казанское дворянство благодарит и возвеличивает поэта—уроженца Казани,—лирой защищавшего дворянскую монархию от народного, крестьянского движения.

Осмотрев памятник Державину, экскурсия по дворянской Казани идет по Покровской ул., заворачивает на Казанскую и выходит к женскому Богородицкому монастырю.

Монастырь был основан в 1579 г., но за два столетия своего существования старый монастырь совсем обветшал и в царствование Екатерины II был снесен, а на его месте начал строиться новый, постройка которого закончилась к 1808 году.

Христианское содержание было облечено в языческую форму: по своему архитектурному облику, женский Богородицкий монастырь напоминает древне-греческие и римские языческие храмы. Так, напр., „теплый храм“ монастыря (так наз. храм Николы

Тульского) представляет из себя здание с одним куполом и с портиком, имеющим восемь колонн ионического стиля; над колоннами—фронтон с изображением „всеви-
дящего ока“. „Холодный храм“ монастыря тоже украшен с трех сторон порталами и колоннадой ионического стиля.

Монастырь весь обнесен каменной оградой, которая уже несколько раз перестраивалась.

Насколько церковь была тесно связана с дворянством и дворянской монархией, насколько она была необходимой правящему классу, можно отчасти получить представление по количеству пожертвований, которые вкладывали цари и дворяне в монастырь.

Император Павел, во время своего пребывания в Казани в 1798 г. „высочайше повелел“ выдать на основание новой монастырской церкви 25000 руб. В 1802 г. Александр I снова пожертвовал 20000 р. В 1831 г. в главном иконостасе, по левую сторону от царских врат был устроен киот для иконы божьей матери исключительно на деньги, пожертвованные казанскими дворянами.

В описаниях Богородицкого монастыря говорится, что эта икона имела 2 ризы:

одну из чистого золота, украшенную 18 крупными бриллиантами и 412 драгоценными камнями, а другую сплошь унизанную жемчугом, с бриллиантовой короной, пожертвованной императрицей Екатериной II. На этой ризе 479 бриллиантов, 100 алмазов и 1200 других драгоценных камней.

Таким образом, мы видим, какое огромное количество денег затрачивалось на монастырь, являвшийся проводником идеологии господствующего класса—дворянства.

Искусствовед, Дульский так говорит об этом: „Надо заметить, что Казанский Богородицкий женский монастырь почти всегда пользовался покровительством высокопоставленных особ и вельмож, и близкое участие в строительстве и украшении теплого храма монастыря принимал князь А. Н. Голицин; на его средства был устроен интересный художественный иконостас, центральная часть которого состояла из сияния золотых лучей“¹.

И архитектура монастыря и его внутренняя роскошь носят тот же общий колорит жизни „с развальцем“, жизни, лишенной забот о насущном хлебе, который вполне обеспечен тяжелым крестьянским трудом.

¹ См. Дульский, Памятники Казанской старины, Каз. 1914, 118 стр.

Люди, жившие в монастыре, являясь вполне родственными дворянству экономически, естественно, и во внешних формах жизни, в быту были очень сходны.

Так же, как и для дворянских домов, для постройки монастырей всегда выбирались тихие улицы с массой зелени. Те же классические колонны отделяли эти „убежища“ от „шума людского“.

После осмотра Богородицкого женского монастыря, наша экскурсия выходит на Воздвиженскую улицу и останавливается около полуразрушенного здания бывшей 1-ой мужской гимназии. Эта гимназия, получившая в 1868 г. (в день своего столетнего юбилея) название „императорской“, имеет свою длинную историю, но почти на всем протяжении этой истории она представляет большой интерес, для описания дворянской Казани, так как это было постоянное учреждение для воспитания дворянских детей.

Уже во 2-ой половине XVIII в. наиболее прогрессивная часть дворянства начинает отчетливо замечать, что, благодаря воспитанию, получаемому у невежественных гувернеров-иностранцев, их дети не совсем справляются с ролью руководителей

экономической, политической и культурной жизни страны. По мере все большего внедрения капитализма на русской почве, этим же взглядом „о пользе наук“ начинает проникаться и самодержавное дворянское правительство. В указе об учреждении Московского Университета и 2-х гимназий указывается, что... „наука везде нужна и полезна, через нее просвещенные народы превознесены и прославлены над живущими во тьме неведения людьми. Всякое добро происходит от просвещенного разума, а зло искореняется, и следовательно необходимо нужно о том стараться, чтоб через пристойные науки возрастало в пространной нашей империи всякое полезное знание“¹.

21 июля 1758 г. было провозглашено открытие Казанской гимназии. Первый контингент учащихся был, по своему социальному составу, исключительно дворянский.

Хотя теоретически и была признана польза просвещения, но до практического проведения в жизнь сколько-нибудь правильно поставленного среднего образования было еще очень далеко. Педагоги-чинов-

¹ См. Пинегин, „Казань в ее прошлом и настоящем“. 179 стр.

ники, достойные дети своей эпохи, поставили преподавание в гимназии так, что действительно было лишь обучение „пристройным“ наукам. Вот как характеризует учебные планы казанской гимназии сам Державин—певец дворянской культуры: „...Более всего старались научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике и быть обходительным, заставляя сказывать на кафедрах сочиненные учителем и выученные наизусть речи..., танцевать и фехтовать в торжественном собрании по случаю экзаменов, что сделало питомцев, хотя в науках и неискусными, однако же доставило людскость и некоторую развязность в обращении“.

Но ролью „воспитательницы юношества“ гимназия не ограничивалось. Она взяла на себя роль „культуртрегера“, организуя драматические представления („прологи, балеты, трагедии, аллегорические картины“). Для характеристики этого начинания, имевшего широкую популярность среди Казанского дворянства, приведем отрывок из описания представления одним из современников. „... Тогда с обеих сторон престола вышло 6 благородных юношей и столько же благородных девиц в пастушьей одежде;

двое из них, войдя на ступень престола, окружили высочайший портрет фестолами, причем прочие пали на колени в две линии перед престолом, основание коего усыпали цветами. Через это и другие искусные действия, а особенно через некоторые молящие действия, соответствующие изготовленной к сему инструментальной и вокальной музыке, сия нежная юность наполняла сердца присутствующих радостным чувством и получила за это благодарственную похвалу".

Отсюда ясно, для кого и какое просветительное значение могли иметь эти спектакли.

Кроме спектаклей, для нравственного влияния на учеников, были введены в преподавание такие предметы, как напр. „правила о приведении сердец и поступков в порядок“ и др.

С течением времени, с ростом капитализма и растущей тягой буржуазных элементов к просвещению, в гимназии открылось отделение для разночинцев (31 чел.).

Пережив целый ряд потрясений (как напр., временное закрытие или полный финансовый кризис) Казанская гимназия со временем превратилась в учреждение более

серьезное, которое, правда, „не готовило к состоянию ученого человека“, но и не делало балета центром преподавания, стараясь „приготовить молодых людей к службе гражданской и военной“.

Таким образом, бывшая I-я мужская гимназия интереса для нас, как памятник дворянского воспитания и образования. Внешний вид гимназии является лучшим памятником классицизма в Казани, имея все типические черты его (портики, колонны, фронтоны, куполообразная крыша и т. д.). Теперешний, сильно попорченный вид здания, все же дает возможность разглядеть эти черты.

Для того, чтобы закончить нашу экскурсию, поднимемся по Черноозерской ул. на Чернышевскую и подойдем к Казанскому Государственному Университету им. Ленина.

Казанский Университет, основанный в 1814 году, тоже является памятником дворянской культуры.

До 1814 г. Университет существовал в зачаточной форме: в форме старших классов гимназии.

В первой половине XIX в. Университет уже был самостоятельным ВУЗ'ом—таким же классово-дворянским, как и гимназия.

Университет (XIX в.).

Инструкция Магницкого в 1820 г. так говорит о задачах Университета:

„Нравственному воспитанию предлежит об'ять и возделать волю воспитанников, их совесть, нравы и наружное образование. Душа воспитания и первая добродетель гражданина есть покорность: посему послушание—важнейшая добродетель юности...

...В преподавании всех наук в Университете должен быть один дух святого евангелия, как показано в статьях о каждом факультете“.

Так же, как и гимназия, Университет, созданный в дворянскую эпоху, являлся лабораторией для создания кадра чиновников—верных слуг дворянской монархии.

Здание Университета, выдержанное, так же как и гимназия, в классическом стиле, состоит из 2-х этажей, украшенных тремя порталами, при чем средний из них имеет 12 ионических колонн, а боковые по 6 колонн; параллельно колоннаде идут пилястры. Над фризом среднего портала имеется оттиск с углублением в середине.

Раньше боковые части аттика были украшены лепными венками.

Кроме главного здания Университета, интересен для нас с архитектурной стороны

и анатомической театр, находящийся во дворе Университета. Анатомический театр был закончен в 1837 г. архитектором Коринфским. Дом анатомического театра представляет собой в плане четырехугольник, середина которого имеет полукруглый выступ. Ротонда анатомического театра украшена ионической колоннадой.

Осмотром Университета заканчивается наша экскурсия.

Для нас ясно, конечно, что она не может дать полного очерка дворянской культуры.

Наличие памятников, имеющих в Казани, придает данной экскурсии характер иллюстрации к отдельным чертам дворянской эпохи.

Е. Гинзбург.

КУПЕЧЕСКАЯ КАЗАНЬ.

Старо-купеческое гнездо—это так называемая нижняя часть города. Вознесенская, Георгиевская и особенно, Забулачье, татарский район—вот те улицы, где сосредоточена большая часть старозаветных купеческих домов. Дворянских особняков здесь нет—они все в верхней, дворянско-чиновничьей части Казани. Спустимся от Университета по Поперечно-Чернышевской, пересечем Проломную улицу, архитектура и весь облик которой принадлежит уже не старому купечеству, а капитализму новой формации,—затем пересечем Вознесенскую и перейдем Булак.

Дом Шамова. Мы в Забулачье, в полутатарском районе с рядом бойких торговых улиц и базаров. Пройдя мост мы пойдем прямо, по Поперечно-Тихвинской улице. На правой стороне ее (2-ой от угла)—большой, невзрачный, серый 2-х этажный дом, занятый теперь какими то военными складами.

Этот дом раньше принадлежал казанскому миллионеру, купцу—старообрядцу Шамову, одному из крупнейших хлебных торговцев в Казани, а может быть, и во всем Поволжье. Вглядимся в этот дом. По обестороны ворот—строения одинакового размера. Слева—мрачный серый каменный дом. Здесь жил хозяин—купец Шамов. Справа—серая же в высоту 2-х этажного дома стена без окон. Это—стена громадных Шамовских складов выходящих во двор. Здесь хранились хозяйские товары, хранились рядом с жилищем самого хозяина. И хозяин и товары занимали одинаково прочные, просторные и солидные помещения.

На фасаде самого дома—почти никаких украшений—просто гладкая казарменная стена с двумя рядами окон. Толстые стены, как в крепости, все крепко, прочно, но никакого намека на „эстетику“—на колонны, на фронтоны дворянских усадеб. Здесь, от этого дома веет только холодным рационализмом коммерческого расчета: весь этот дом приспособлен для торгового дела.

Войдем во двор. Громадный мощный двор с трех сторон окружен складами. Они сплошь тянутся вдоль двора—все на одно лицо. Кирпичные, в 2 этажа, с крытой, на

кирпичных массивных столбах 2-х ярусной галлереей впереди. В них ведут десятки огромных, тяжелых, железных дверей с большими засовами. Под складами—глубокие подвалы. Со двора же устроен ход в хозяйский дом—с улицы входа нет.

Шамовский дом—типичен для купеческих домов старого покроя. Их характернейший признак—наличие складов. Он целиком вытекает из социальных функций старого купечества. Купец свое торговое дело вел полудомашним способом: специальных помещений под склады и конторы не было, все помещалось на собственном дворе. Отсюда, из этих экономических условий вытекают эти особенности купеческой стройки.

При старых купеческих домах редко встречаются сады—на громадном дворе Шамова тоже нет никакой зелени, если не считать одного дерева. На доме—и это тоже характерно если не для всех, то для многих купеческих домов—нет никаких украшений. Этими обоими чертами купеческие дома резко отличаются от дворянских. На дворянских особняках с их садами, с классическими ампириными фасадами видно стремление к красоте, или хоть к известному изяществу или уюту, на них виден художественный

вкус. Шамовский дом—это постройка-казарма, полная безархитектурность которой не дает места и мысли о красоте и уюте, видно полное отсутствие эстетических архитектурных запросов. Дворянские особняки с их зелеными дворами, с их характерными надворными постройками носят на себе печать сельской жизни, влияния деревенской барской усадьбы: как строились дворяне у себя в имениях, так стали строиться и в городе. Здесь, в купеческих домах этого влияния деревни нет—здесь чисто городской быт.

Дом Шамова, да и много других купеческих домов, по своим размерам значительно больше обычного дворянского дома современной им эпохи, т. е. XIX-го века. Это и понятно: с ростом капитализма, с разложением крепостного хозяйства барин-дворянин разорялся, а купец богател. Далее, чисто хозяйственные мотивы требовали для купца большого помещения: ведь часто у купца в его доме жили и его приказчики, часто (не всегда) здесь же помещалась и контора. Торговое предприятие требовало много места.

Каждый класс имеет свою архитектуру, отражающую его социально-экономический быт. Как дворянская усадьба и крестьянский

двор отражают быт помещика и крестьянина, так и архитектура старого купеческого дома—если только на ней не отразилось подражание дворянству—отражает экономические особенности жизни и быт купца старого времени.

Купеческий двор и дом—это в сущности столько же хозяйственное предприятие, сколько и жилой дом. На подобные Шамовскому дворы в былые времена тянулись длинные обозы телег с мешками, с зерном и мукой, с бочками, ящиками, кулями. Все это сваливалось на склады. В дни, когда привозили или увозили товары, громадный двор был весь заставлен телегами, на нем шумели и толкались татары-возчики. Одну за другой подводят к тяжелым железным дверям груженные подводы. Возчики подхватывают пятерики с мукой и быстро, один за другим тащат их вереницей в склад. Телега разгружена—ее отводят, подводят новую лошадь. И снова, загорелые потные люди таскают мешки без конца. А рядом с грохотом снимают с телег и скатывают по доскам в подвалы бочки. За работой присматривает хозяин или его приказчики. Они принимают товар, рассчитывают рабочих, смотрят за ними—сидеть сложа руки здесь

не дадут. Так жил раньше большой двор, жил—пока революция не уничтожила старого купечества.

Сенная площадь. От бывшего дома Шамова мы пойдем на Сенную площадь. Обратим внимание на характер построек Сенной и близлежащих кварталов. Это—длинные одноэтажные лабазы сплошь занятые лавками и складами со сводами, без окон, с большими дверями на два раствора. В обычных жилых домах нижние этажи тоже заняты такими же помещениями. Весь вид этих старых лавок, лабазов, складов имеет мало общего с магазинами и лавками нового типа, какие мы видим, например, на Проломной с зеркальными стеклами и витринами.

Здесь, в районе Сенной, до сих пор сосредоточено много крупных частных магазинов и масса мелких лавок, главным образом, татарских. Раньше, до революции, это тоже был один из главных торговых центров Казани. Здесь торговало в своих лавках как раз то старое купечество, дома которого мы осматриваем.

Пойдем по Московской улице по направлению к Кабану. Почти сплошь на два квартала тянутся занятые лавками корпуса, часто с крытой галлереей впереди. Здесь

Ворота дома Кабатовых на набережной Кабана (XIX в.).

торгуют всем: мануфактурные, фруктовые, коженые, обувные, шапочные, лавки и лавченки заполняют обе стороны улицы. Видны специально татарские изделия—обувь, тибетейки и т. д. Раньше лавок было еще больше—сейчас, особенно по правой стороне Московской, видно немало пустующих, запертых помещений. Здесь и сегодня можно видеть классические купеческие типы—и русских, и татар, рядом с более молодыми торговцами и толпой разной базарной публики—мелких барышников, „спекулянтов“, каких то подозрительных типов, завсегдатаев „Сорочьего“ и базаров всех сортов, в дни падающей валюты—дельцов черной биржи (она помещалась в 1922—23 годах на улице, против мечети), наконец, просто оборванцев-босяков.

Мечеть, стоящая углом, частные лавки, сутолка рынка—это старая купеческая Казань, дожившая до наших дней.

Но среди этих пережитков старого видны новые черты: среди частных лавок видны вывески магазинов Татторга и разных кооперативов. По Московской ходит трамвай. Минуя толчею Сенной, пересечем широкую, как площадь, грязную Евангелистовскую улицу.

Захарьевская улица. Мы уже в чисто-татарском районе. Повернем по Евангелистовской направо и пройдем по ней несколько шагов до Захарьевской улицы. До революции это была одна из самых богатых улиц татарской Казани; на ней жил ни один купец-миллионер. Это—сонная, пыльная улица застроенная побольшей части 2-х этажными купеческими особняками. На этой, не очень длинной улице целых две мечети.

Уже на первый дом угла (№ 2) стоит, мимоходом, обратить внимание. Как и дом Шамова, это образчик дома без всякой архитектуры. Склады, которые у Шамова раза в 3—4 больше дома, здесь уже вторглись в самый дом: нижний этаж без окон, он занят сводчатыми лабазами и кладовыми. Дальше мы увидим немало таких домов, особенно на Тукаевской.

Если дом № 2—образчик богатого купеческого дома, то дальше по Захарьевской есть ряд этого же типа домов по-мельче, домов среднего и мелкого купечества (№№ 5, 10, 24 и др.). Это небольшие дома с нижним этажом без окон. Жилой верх—часто деревянный, но низ—всегда каменный. На случай пожара тут должно было сберегаться

хозяйское добро. В этих домах кладовые часто предназначены не для того, чтобы служить товарными складами, их назначение большею частью быть кладовыми для домашнего скарба.

Интересен дом № 11, его фронтон типичен для зажиточных деревенских татарских домов¹. Такие дома с разукрашенным окном на фронте, колонками по сторонам окна и „сиянием“ из зеленых, белых, синих деревянных пластинок над ним в городах уже давно вышли из моды и сохранилось их немного.

По левой стороне улицы—две мечети. Обе носят имена богатейших купеческих родов, дома которых мы еще увидим. Первая, так называемая Соборная Мечеть, носит название „Юнусовской“. Дальше, в довольно хорошо выдержанном стиле барокко, другая мечеть, называется „Апанаевской“.

Дома Апанаевых. Дойдем до конца Захарьевской и остановимся против 2-х этажного каменного дома (по левой стороне ул.) грязно-серого цвета. Дом принадлежал старому и богатому татарскому роду купцов,

¹ „Материалы по изучению Татарстана“ (сборн. под ред. Ибрагимова и Воробьева. Казань, 1925) статья Воробьева „Казанские татары“, 139 стр.

а впоследствии и землевладельцев Апанаевых. Это один из старейших купеческих домов, несколько другого типа чем дом Шамова. Резиденция купцов Апанаевых носит ясно выраженные черты подражания классицизму Александровской эпохи: фронтоны над несколько выделяющейся вперед центральной частью фасада, круглые лепные „медальоны“ над окнами с претензиями на стиль Empire и т. д. Но рядом с этим остаются и типичные купеческие черты. Нижний этаж на половину занят кладовыми без окон или с маленькими окнами с железной решеткой. Огромный двор с двух сторон окружен складами. Этот дом сильно пострадал за время гражданской войны (в нем помещались воинские части). Надворные постройки частью развалились. Посреди двора построены огромные, безобразные деревянные сараи. Раньше на их месте находился вырубленный теперь сад, который оканчивался обрывом к Кабану. Обойдем дом кругом, по поперечной улице и выйдем к Кабану. Обрыв выложен кирпичем, так что со стороны Кабана получается белая, с железной решеткой наверху, стена, над которой раньше зеленел сад. В этой стене—ряд маленьких зарешетчатых окон. Они ведут в подвалы, устроенные

в земле, вдоль всего обрыва. Все это странное сооружение со стороны Кабана походит на какую-то крепость. Раньше, с садом наверху, оно могло иметь довольно эффектный вид.

Вернемся назад. Наискосок от осмотренного нами стоит другой дом тех же Апанайевых, в который упирается оканчивающаяся тупиком Захарьевская. Это тоже один из старейших купеческих домов. На нем тоже есть следы классического стиля—пилястры, фронтоны. Но это—не классицизм Александровской эпохи. По сторонам 3-х-угольного центрального фронтона на крыше находятся чуждые Александровскому стилю полукруглые формы барочного типа, или классицизма XVIII-го века. Такова же и отделка пары центральных окон.

Дом Хусаиновых. Выйдем опять к Кабану и пойдем по Набережной направо. Мы очутимся перед большим желтым домом с застекленным балконом и стильными воротами. Это дом купцов Хусаиновых.

Снаружи, в архитектурном отношении в доме интересны ворота в хорошо-выдержанном стиле Екатерининского классицизма.

Сейчас в этом доме помещается детский дом и поэтому дом можно осмотреть внутри, где сохранилась старая отделка.

Войдем во двор. Справа от ворот—широкое парадное вводит нас в нечто в роде вестибюля. Большая часть нижнего этажа—вся центральная часть его—занята традиционной кладовой и жилых помещений здесь очень мало—по 1—2 комнаты с каждой стороны вестибюля. На верх ведет широкая черная лестница. На стенах, в вестибюле и вдоль лестницы живопись маслянными красками, часть ее довольно аляповатая. Это не мешает всему и отделке в целом, несмотря на то, что она поблекла от времени, создавать общее впечатление былой роскоши. Яркая живопись стен здесь сочетается с темным фоном остальной отделки.

Поднимемся наверх. Этот темный фон доминирует и в отделке парадных комнат 2-го этажа. Во всех 4-х парадных комнатах преобладают темные цвета. Покрытые лепными работами потолки не выбелены, а выкрашены коричневой краской. Только в зале белые обои, но темный потолок и ей придает несколько мрачный облик. Мебели в зале не сохранилось, за исключением огромного трюмо, занимающего всю переднюю стену, и люстры на потолке.

Из зала, в который попадаем прямо с лестницы через верхний вестибюль, мы про-

ходим в следующую комнату—гостинную. Это мрачная комната с темным потолком и темными почти черными обоями. Отсюда ведет дверь на балкон, с которого открывается красивый вид на Кабан.

К гостинной примыкает спальная, отделанная в те же темные тона. Вся эта отделка уже нового происхождения, отделка модерн, без заметных следов старины или восточных мотивов.

Описанные три комнаты расположены по фасаду, окнами на Кабан. Налево от них находится ряд низких комнат, выходящих во двор. В числе их—столовая. В противоположность первым трем она не оклеена обоями, а просто выкрашена коричневой краской. Низкий потолок придает ей еще более мрачный вид. Из этой части дома ведет лестница на верх в антресоли.

Две большие комнаты по фасаду были парадными. В зале и гостинной протекала показная сторона жизни купцов Хусаиновых. Роскошная, в темных тонах отделка этих комнат производит впечатление чего то мрачного, давящего—не то, что белые веселые залы дворянских особняков (напр. Баратынского). В третьей комнате была спальня хозяев. Все остальные—дети, прислуга и

прочие обитали в лабиринте низких комнат антресолей и задней половины дома (большая часть их заново выбелена, их до революционная отделка не сохранилась). Это резкое деление на две половины—жилую и парадную мы видим и в дворянских домах.

Из задней половины дома висячая деревянная галлерея над двором с разноцветными стеклами ведет в холодное помещение над сараями, в котором жили только летом.

В конце двора расположен сад с беседкой застекленной, как и галлерея и терраса, разноцветными стеклами.

На дворе—обычные надворные постройки, конюшни, сарай. Со двора же большая железная дверь ведет в неизбежную кладовую со сводами, которая занимает всю среднюю часть нижнего этажа. Эта кладовая кажется больше приспособлена для хранения хозяйских сундуков и другого добра, чем для того, чтобы служить товарным складом: для этого она мала. Товарных складов при доме Хусаиновых нет.

Все три последние дома, осмотренные нами, имеют одну общую черту: они подражают господствующему архитектурному стилю своей эпохи, т-е. всегда подражают стилю дворянской архитектуры; ведь клас-

сицизм—это прежде всего дворянский стиль, стиль барских усадеб, дворцов и особняков¹. Это подражание дворянству сказалось не только в стиле, но отчасти и в самой манере постройки, в планировке двора и т. д. Это же подражание господствующему дворянскому стилю сказалось, между прочим, и на тех мечетях, мимо которых мы прошли—они построены в более или менее чистом барокко—господствующем стиле значительной части XVII—XVIII веков.

Тут видна художественная не самостоятельность купеческой архитектуры: в осмотренных домах мы видим или подражание дворянству, или, если дворянского влияния нет, как в доме Шамова, то перед нами постройка без всякого эстетического замысла, совсем „без архитектуры“. Специфические купеческие черты сказываются особенно резко может быть именно в домах этого последнего типа.

Дом Юнусовых. От дома Хусаиновых мы снова вернемся назад на Поперечную улицу к белому дому Апанаевых и мимо него пройдем на Тукаевскую улицу.

¹ См. выше—Е. Гинзбург, „Дворянская Казань“ 161 и сл. стр.

На углу Тукаевской и Поперечной стоит громадный трех-этажный (3-ий этаж — антресоли) серый дом Юнусовых — богатейших купцов татар, торговавших кожами, салом, сырьем.

На архитектуре дома тоже отчасти сказалось влияние классицизма. Сильные ворота, с парными колоннами по каждую сторону, напоминают Екатерининский классицизм.

Тукаевская улица. От дома Юнусовых повернем по Тукаевской направо. На Тукаевской — главной улице этой части Казани — немало бывших купеческих домов.

Обратим внимание на наиболее типичные. Это ряд домов, относящихся по архитектурным формам не XVIII-му и первой половине XIX-го века, а ко 2-ой его половине, иногда, даже к XX-му веку, домов более нового типа, свободных от подражания дворянским архитектурным формам, заменивших их безархитектурностью, которую мы видели в доме Шамова.

Эти дома (№№ 86¹, 82, 79 и др.) напоминают какие то ящики кубической формы.

¹ Дом окрашен в зеленый и белый цвета. Надо заметить, что полихромная окраска типична для татарских домов. Впрочем, в городе она встречается уже не часто.

В верхнем этаже—обычные окна, в нижнем—глухие стены или маленькие решетчатые окна складов и кладовых. Парадное—обычно со двора, застроенного складами. Садов по большей части нет. На фасаде—мало или совсем нет украшений, вообще ничего, не служащего практическим целям.

В. Хвостов.

ОКТЯБРЬ В КАЗАНИ.

19 ^{$\frac{25-X}{7-XI}$} 17

В Музее Революции. Попытаемся воссоздать в своей памяти основные черты предоктябрьской России — „России Керенского“. Имея перед собой этот общероссийский фон, — нам будет легче восстанавливать в целом картину событий 17 года в Казани.

На третьем году мировой войны российская буржуазия, заменив прогнившее самодержавие, оказалась все же бессильной продолжать победоносно в своих интересах войну и смягчить в стране хозяйственный кризис. На фронте разваливалась бывшая царская армия. Наступал голод. Крестьянство все меньше давало хлеба правительству, думая этим приблизить конец войне. Усталость и недовольство широких слоев трудящихся города и деревни затянувшейся империалисти-

ческой войной усугублялось половинчатой социально-экономической политикой Временного Правительства. Ни один из кардинальнейших социальных вопросов не получил у Временного Правительства разрешения. Разрешение их откладывалось до „спасительного учредительного собрания“. Все это крайне обостряло классовые противоречия в стране. Политические свободы, завоеванные в „феврале“, еще более способствовали бурному росту общественно-политической жизни масс.

Просмотрим бегло ряд исторических документов, выставленных в музейном отделе „от февраля к Октябрю“. Они расскажут нам о том, как откликалось Временное Правительство на попытки революционных масс города и деревни заявить о своих правах и разрешить наиболее неотложные свои нужды.

Вот обращение к волостным комитетам от I/V—1917 года министра земледелия—Шингарева (см. I-й абзац, последние строки), а рядом обращение прокурора Казанской Судебной Палаты (см. II-й раздел 2-й абзац). Оба документа говорят о репрессиях со стороны Временного Правительства по отношению к тем, кто вздумал бы

нарушить „священное“ право собственности и другие законы буржуазной республики.

Другой ряд экспонатов, помещенных в витрине под общим заголовком — „Реакция после событий 3—5 июля“ — лишь подтверждают и иллюстрируют рассмотренные нами документы.

Если ко всему этому присоединить опасения широких масс монархической реставрации, наглядно выявившейся в корниловском восстании, то нам будут понятны и быстрый рост классового самосознания рабочих, и общая обостренность классовых взаимоотношений, и близость новой революционной грозы.

В этой обстановке партия с.-д. большевиков под руководством своего вождя В. И. Ленина готовила рабочие массы и все более левеющих солдат армии к новому восстанию, к захвату политических и экономических высот в стране.

Таков общий фон предоктябрьских событий.

Перейдем теперь к выявлению местных причин, приведших к вооруженной борьбе классов в Октябрьские дни в Казани, а также попытаемся воссоздать и самую картину Октябрьских боев, сыгравших не последнюю роль в истории „великого переворота“.

Выйдем на площадь 1-го мая.

Здесь, используя материальные отложения прошлого, до сих пор еще сохранившиеся на одной из центральных улиц города и Кремля, а также привлекая дополнительный исторический материал,—попытаемся воссоздать важнейшие черты жизни дооктябрьской Казани, как одного из крупнейших хозяйственных, политических и культурных центров Поволжья.

На площади 1-го мая. Перед нами—одна из оживленнейших в прошлом улиц города, насчитывавшего до 200.000 жителей,—бывш. Воскресенская. Здесь, и на параллельной ей, Проломной—были расположены главные капиталистические фирмы, конторы и магазины. Наиболее характерными зданиями для капиталистической Казани, хорошо видимыми отсюда, будут: Александровский пассаж, высокое серого цвета здание на левой стороне середины улицы и Гостинный двор—направо перед нами, занимающий целиком большой квартал. Несколько десятков роскошных магазинов, поместительные склады для товаров, помещения для контор и богатый отъезд,—вот что представляли из себя в прошлом оба здания. Если

спуститься по Петропавловской (теперь Банковской) улице на юг, мы попали бы на 2-ю чрезвычайно оживленную улицу—Б. Пролонную, где, кроме магазинов, складов и контор—были сосредоточены банки, связанные с российским и заграничным финансовым капиталом.

Являясь в прошлом, до постройки Сызранского моста через Волгу поистине важнейшим передаточным пунктом товаров между западной и восточной частью России,—Казань, однако, осталось и до нашей революции одним из крупных экономических центров Волжско-Камского края. Имея до 129 фабрик и заводов с 20.000 рабочих, Казань однако была известна скорее, как город торговый. Такие фирмы, как бр. Крестовниковых, Щетинкина, Унженина и др. имели миллионные обороты и были связаны с капиталистическими центрами России и Запада.

Здесь же, в центре города, налево помещался и центр местного самоуправления—Городская Управа. Вершителями судеб города тогда были все те же господа положения—владельцы торгово-промышленных заведений и крупные домовладельцы.

А какова была политическая и культурная жизнь капиталистической Казани?

На балконе башни.

Для ответа на этот вопрос, а также для воспроизведения в целом всей картины Октябрьских событий—мы перейдем в Кремль и используем там балкон Спасской башни, откуда так хорошо видна вся Казань с ее рабочими слободами и окрестностями. В Кремле наше внимание будет прежде всего остановлено на тех типично-казенных зданиях, которые расположены по обе стороны Кремлевской улицы. По правую сторону находился полицейско-дворянский центр по управлению губернией (Губ. Присутствие, Казенная Палата и т. д.); дворец же самого губернатора помещался за собором в другом конце Кремля. В этом дворце после февральского переворота обосновался Губ. Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а после июльских дней и Комитет Большевиков, получивший однако во дворце лишь подвальные комнаты.

По левую сторону Кремлевской улицы в 2-х длинных, параллельно расположенных, корпусах обучались дети помещиков и буржуазии—юнкера, сыгравшие в Октябрьские дни 17 года роль основной и довольно верной силы в руках агентов Временного

Правительства. Здесь же в Кремле находился центр и третьей силы старого порядка—духовенства. Вблизи собора находилась резиденция главы духовенства—архиерейский дом и консистория. По левую сторону от нас за этой стеной—располагался миссионерский центр края—Спасо-Преображенский монастырь.

На балконе башни. Здесь будет уместно, получившиеся у нас представления о прошлом города, дополнить еще чрезвычайно существенными сведениями о политическом и культурном значении Казани, как окружного (краевого) центра. В Казани были сосредоточены Управления округов: 1) Народного Образования, 2) Почтово-телеграфного, 3) Путей Сообщения, 4) Удельного и 5) Военного.

Сначала—два слова о Казани, как культурном центре, и поподробнее затем остановимся на роли и значении Военного округа в Революцию 17 года.

Наличием в Казани нескольких ВУЗ'ов, в том числе и старинного Университета (видевшего в своих стенах молодыми революционерами Ленина, Рыкова, Лозовского, Семашко и др.)—можно отчасти об'яснить довольно бурную политическую жизнь города за лето и осень 17 года. Политические партии (числом до 10, вплоть

до т. н. „независимых социалистов“) были заполнены местной интеллигенцией, и она же, главным образом учащиеся, пополнила в Октябрьские дни поредевшие ряды защитников Временного Правительства.

Теперь—о Военном Округе. Глава его—командующий—находился в той части (северно-восточной) города, куда ушло от шумных капиталистических улиц и умирающее дворянство. „Роль Военного Округа до февраля 1917 г. была исключительной в крае. Фактически командование располагало высшей властью и было центром обрусительной политики. Падение царя ослабило его значение и авторитет, но не уничтожило и против революции он был использован широко. Во-первых, благодаря Военному Округу в Казани собралось чрезвычайно большое количество черносотенного офицерства, во-вторых, в связи с тем, что в Казани находился Военный Округ, на этот город было обращено особое внимание Правительства. Сюда был послан комиссар Временного Правительства—энергичный капитан Калинин“.¹ Все это давало Казанской

¹ Из воспоминаний т. Милха на собрании Московской группы участников Октябрьского переворота в г. Казани от 30/I 1927 г. (стенограмма речи).

контр-революции большие преимущества в предстоящей борьбе с рабоче-крестьянской революцией.

Подведем итоги. Силы старого мира: капитал, власть, верхи царской армии и духовенство—занимают центральную лучшую часть города и концентрируются в его северо-восточном аристократическом углу и в северо-западном—в районе б. Воскресенской—Проломной—Кремля.

Все эти силы плюс их новый союзник—взбесившийся мелкий буржуа, во главе с прахим социалистом—эсером и меньшевиком, встали по одну сторону Октябрьской баррикады.

По другую сторону баррикады вставали иные классовые силы. Рабочий и крестьянин в солдатской шинели готовились под руководством партии большевиков к генеральной схватке с исконным своим врагом—капиталистом и помещиком.

Открывающаяся панорама Казани и ее рабочих окраин—слобод дает нам яркую картину расположения борющихся классов.

Перейдем на северо-западную сторону башни. Отделенные от „чистого“ города рекой Казанкой и заболоченными лугами,—

на несколько верст растянулись рабочие слободы: Адмиралтейская, Ягодная, Пороховая, Козья, Хижицы. Расположенные в низкой, затапливаемой каждую весну местности, рабочие поселки, лишенные к тому же в прошлом минимума городского „благоустройства“ представляют резкий контраст с центральной частью города, где раньше жили и управляли господствовавшие классы.

Если к этому анализу „социального пейзажа“ мы добавим сведения о расположении войск гарнизона, картина будет еще полнее, еще ярче. В центре города, в Кремле и по бывш. Воскресенской улице, находились Военное училище, две школы прапорщиков и б. Офицерское собрание (ныне Центральный Дом Работн. Просвещения),—места, где командиры из командующих общественных классов жили, учились и веселились. А на окраинах—в Заречьи, на Арском поле, за озером Кабан и т. д., зачастую в наскоро сколоченных бараках, было расположено до 30 тысяч „пушечного мяса“, так жаждавшего конца войны, земли и свержения власти эксплуататоров.

И если этот анализ „социального пейзажа“ мы увяжем с восстановленной в памяти

в начале экскурсии общей картиной хозяйственного и политического состояния России времен Керенского, то мы будем иметь основные, но вполне четкие представления о классовых противоречиях и классовой борьбе в условиях Казани перед Октябрем 17 года. Рельефнее встанут перед нами и героические дни „Казанского“ Октября, и ясны будут причины того, почему бои начались здесь раньше, чем в столицах, если мы ознакомимся еще с рядом специфически местных фактов и событий, происшедших за лето—осень 17 года.

В деревне. Еще 13 мая 17 года I-й Губ. Съезд Крестьянских Депутатов выносит постановление о немедленной передаче помещичьих земель волостным земельным комитетам. Крестьянство в Спасском и Лаишевском уездах начинает проводить в жизнь решения этого Съезда. В ряде мест крестьянство производит порубку частных и казенных лесов, выступает против хлебной монополии. Отношение деревни к войне повсюду враждебное. Политика Временного Правительства в основной крестьянской бедняцко-средняцкой массе поддержки не находит. В ответ на крестьянские волнения

губернские власти посылают в деревни карательные экспедиции, арестуют руководителей крестьянского движения. Но насколько бессильны были эти попытки задержать крестьянскую революцию видно из крайне характерного столкновения прокуратуры со II-м Губ. Крестьянским С'ездом. С'езд потребовал от прокурора освобождения арестованных членов земельных комитетов и видного большевика тов. Грасиса. Постановление С'езда о насильственном освобождении арестованных было тут же подкреплено представителем артиллерии, солдатом большевиком тов. Андроновым: „Мы все, как один, в Вашем распоряжении. Пусть знают прокурор и Временное Правительство, что наши пушки заговорят, если они не подчинятся Крестьянскому С'езду“. Бурной овацией встретил С'езд это заявление. На следующее утро половина арестованных была освобождена. А когда артиллеристы по телефону сообщили, что люди и пушки в полной боевой готовности и дали полчаса на размышление, то и остальные были освобождены¹.

¹ Шнуровский — „Крестьянство перед Октябрем“. Комм. Путь, № 11, 1922 г.

О том же рассказывает нам в своих воспоминаниях и другой товарищ—артиллерист Марков:

„В сентябре крестьяне громили имение купцов Щетинкиных (Казанского уезда). Во 2-ю артбригаду было прислано требование немедленно выслать туда 40 всадников с шашками и револьверами. Комбриг составил отряд из 1-го дивизиона, но тов. Андронов их с'агитировал и вместо экспедиции на защиту Щетинкиных, они ускакали вооруженные в город, где понадобились на подкрепление требований 2-го Губ. Крест. Съезда к прокурору Карасеву—освободить сидевших в тюрьме за захват помещичьих земель членов земельных Комитетов“.

Кроме того, что крестьянское движение расшатывало власть Временного Правительства—крестьянские настроения, как видим, быстро и широко передавались в гарнизон.

В гарнизоне. Мы уже отметили большое скопление в районе города войска (до 30.000) и связь его с крестьянским движением. Дисциплина в войсках падает. Особенно быстро растет разложение в частях в связи с происшедшим в августе 17 года взрывом артиллерийских складов и проведением

в жизнь постановления местного Совета Р. и С. Депутатов о роспуске по домам 40-летних солдат, что шло в разрез с распоряжениями Военного Министерства. Но, наряду со стихийным недовольством, в солдатской массе растет и политическая активность и сознательность, объясняемые, главным образом, партийной работой в частях военной организации местного комитета большевиков.

На фабриках и заводах. Разбухшая в связи с войной местная промышленность начинает испытывать признаки приближающегося кризиса топлива и сырья. Рабочие, несмотря на беспрерывно растущую зарплату, голодают, так как рост цен на продукты потребления сильно обгоняет рост заработной платы. Попытка рабочих улучшить свое положение или ввести контроль над „военными прибылями“ хозяев приводят к открытым конфликтам—локаутам и забастовкам. Из ряда промышленных конфликтов лета 1917 г. наше внимание останавливает локаут на обмундировальной фабрике Шабанова, перешедшей, благодаря сознательности и организованности рабочих и работниц, в руки самих рабочих. Фабрика, в

знак победы рабочих, была ими названа „Победой“. Это была первая ласточка приближающейся весны пролетарской революции. Замена на Окружном Артиллерийском складе мелко-буржуазной части рабочих революционно-настроенными эвакуированными фронтовиками еще более укрепляет там позиции большевиков. Один из крупнейших местных заводов становится „цитаделью большевизма“.

На 4-х крупных предприятиях организуется, вначале под флагом охраны,— „Красная Гвардия“.

Национальное движение Из событий, также имевших специфически местный характер, следует отметить национальное движение. Находясь в большинстве под влиянием туземной буржуазии, оно все же объективно играло революционную роль, поскольку расшатывало власть Временного Правительства, проводившего великодержавную политику. Но к Октябрю в рядах социалистической татарской организации уже выкристаллизовалось довольно сильное ядро „левых“,—шедших под одним знаменем с большевиками в Октябрьские дни.

Все эти местные факты и события сказываются на выборах в Городскую Думу, давших большевикам на 5 мест больше, чем всем правым, социалистическим партиям, вместе взятым. Перевыборы рабочей и солдатской секции Совета также дают абсолютный перевес большевикам. Губернская Партийная конференция (большевиков) 2/X, 17 года организационно закрепляет эти успехи и формулирует очередные политические лозунги и задачи по переходу власти в руки Советов.

М и т и н г 15/X-го Октября. К середине октября месяца мобилизация революционных сил выливается в грандиозный общегарнизонный митинг (на лугах у вокзала)¹ и демонстрацию, подготовленную военной организацией большевиков и прошедшую под ее лозунгами. Характерна для настроения гарнизона принятая на этом митинге резолюция: „...Наш лозунг: вся власть советам Р.С. и К. Депутатов“ и дальше... Мы, солдаты Казанского гарнизона, обращаемся с призывом к Петроградскому Совету и созываемому 2-му Съезду Советов осуществить на деле

¹ См. план Казани в дни Октябрьских событий.

революционное народовластие. Тоже самое должны делать Советы на местах: и к ним обращаем мы свой призыв. Этот призыв настойчиво обращаем к Казанскому Совету Р. С. и К. Депутатов, его власть и авторитет, а равно и власть центрального Совета мы будем отстаивать всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами*¹. Эта демонстрация всего гарнизона подбольшевистскими лозунгами показала врагам и друзьям революции на чьей стороне была ее вооруженная сила.

С этого дня (15/X) события нарастают быстрее. В городе назревает погромное настроение. Совет Р.С.К.Д., вернее собрания с широким представительством от заводов, воинских частей, политических партий, заседают через каждые 1—2 дня. Подавляющее большинство на этих собраниях идет за большевиками. Наиболее характерным для боевого настроения рабочих и солдатских масс является последнее общее собрание Совета Р. С. и К. Депутатов (23/X) по вопросу о роспуске 40 летних солдат; несмотря на полученные угрозы от Военного Министер-

¹ Е. Грачев. „Хроника револ. 17 г.“ — Казанский Октябрь. Казань, Истпарт, 1926 г. 202 стр.

ства направить в Казань против мятежного Совета карательную экспедицию с фронта, это собрание постановляет: „Немедленно распустить 1899 г.“ Реальна-ли была эта угроза Военного Министерства? Нет. Припомним, в каком состоянии в это время находился фронт и насколько спокойно чувствовало себя Правительство в обеих столицах.

У контр-революции. Наростающую лавину пролетарской революции пытаются остановить и повернуть вспять слабеющие силы Временного Правительства. Его местные агенты получают из Петрограда вполне четкие директивы: „действовать твердо и решительно с применением воинских сил при подавлении беспорядков“, т. е. революции. Создается, так наз. „Социалистический блок“ — местное объединение верхов всех правых социалистических партий, которое не за страх, а за совесть служит контр-революции. Идейные вдохновители этого блока работают в казармах юнкеров, призывая их на борьбу с большевизмом.¹

¹ Материал о блоке см. у Е. Грачева „Хроника Революции“. Казань. 1926 203—204 стр.; тут даны выдержки из газет от 19/X.

Приближаются решающие события. Неизбежность боевых действий ясна как той, так и другой стороне. Но инициативу событий решает взять в свои руки штаб на Грузинской. Там видели, что каждый день лишь усиливает их противника. Однако 19 октября первая попытка—арест одного мятежного офицера пр. Гроздова—окончилась неудачно для сторонников Временного Правительства. Артиллеристы I дивизиона на Арском поле скрывают у себя пр. Гроздова, выкатывают орудия и отказываются подчиняться командованию Округа. Конфликт кончается компромиссом с обеих сторон, благодаря вмешательству Президиума Совета Р.К.С.Д.

После этого события Революционный Штаб выступает более решительно. Приведя в боевую готовность свои силы—юнкеров 3-х школ, эскадрон драгун, полсотни казаков, 6-ю батарею Финляндской арт. бригады под командой меньшевика подп. Поплавского и захватив 4 броневики—командование Округом решает обрушиться в первую очередь на руководителей движения большевиков, а затем уже разоружить мятежных артиллеристов. „Был дан приказ об аресте лучших большевистских агитаторов,—Грасиса и Ер-

шова. Грасис в ночь на 24 октября был арестован. Затеяв спор с арестовавшими о законности ордера на арест, он смог запиской предупредить Ершова. Ершов ночью бежал в 240 полк и привел его в боевую готовность¹. Предполагая, что Ершов скрылся во 2-м артил. дивизионе в Каргопольских казармах, где, кстати, стояла и верная Времен. Правительству 6 батарея Поплавского,—командование двинуло туда 24 октября днем юнкеров и броневики и внезапно разоружило дивизион.

После ухода карательной экспедиции артиллеристы из оставшихся исправных орудий дают несколько выстрелов в расположение юнкеров. Снаряды однако ложатся в районе Проломной улицы.

День 24 октября не кончается этим эпизодом. Вестью о разоружении 2-го дивизиона быстро облетает весь гарнизон и поднимает его на ноги.

А командующий, окрыленный первой победой в Каргопольских казармах, направляет все свои силы на Арское поле против главных „мятежников“—артиллеристов 1-го дивизиона.

¹ Из воспоминаний тов. Милх на собрании Московской группы участников Октябрьского переворота в Казани от 30/I 1926 г. (Стенограмма речи).

Это наступление было организовано по всем правилам военного искусства. Орудия, поставленные в Подлужной слободе, повели правильный обстрел артиллерийских казарм Арского поля, удачно использовав видимую отсюда колокольню Варваринской церкви, как наблюдательный пункт. Вот как описывает один из рядовых артиллеристов 1-го дивизиона тов. Марков 1-й день боя в этом районе: „24 октября после митинга часов в 5 вечера прибывает вестовой и говорит: „юнкера обезоруживают 2 й дивизион“. Моментально все бросились вооружаться. Вывели к кирпичным заводам батарею (4 орудия). Прибыло 200 человек пешей дружины. Подходит к нам тов. Андронов и говорит: „Двинемся в город, отберем броневики и орудия у юнкеров“. Наша батарея снялась и доехала до Ветеринарного Института. С нами были солдаты дружины. Стрельба в городе разгорелась. Кем то была подана команда рассыпаться в цепь. Батарея приготовилась стрелять. Людей при ней оставалось мало и главное не было наводчика. Подбегает фельдфебель, кричит: „юнкера идут“. С угла от госпиталя начал по нас бить пулемет. Показался юнкерский броневик и цепь. Я ударил по нему гранатой

(попал кажется в политехникум), дали еще два-три выстрела. Броневику закатили в колесо. Тот свернулся. Подбежавшие юнкера уволокли его за госпиталь. Бой продолжался. Юнкера стали занимать Арское поле—кладбище. Был дан приказ отступать к казармам¹. С этого момента основные боевые действия концентрируются в районе Арского поля, а первый дивизион становится фактическим оперативным штабом. Пехотные части, расположенные в городе (686 дружина и часть 95 полка) направляются на помощь артиллеристам и принимают участие в первом боевом столкновении. Юнкера, пользуясь наличием броневиков, отбивают наступление артиллеристов и отрядов пехоты и занимают почти весь район Арского поля и Академической слободы. Восставшие отступают за город и окапываются. Одновременно со сражением на Арском поле—части 164 и 94 полков стоящие в Заречьи² сделали попытку наступления на город по лугам к Арскому полю, но были отбиты

¹ Воспоминания т. Маркова. Е. Грачев. „Хроника Революции 1917“.—Казанский Октябрь. Казань. 1926 г. 211 стр.

² См. план Казани в дни Октябрьских событий 1917 года.

юнкерами и казаками, занимавшими переправу через р. Казанку.

Что же происходило в этот вечер в рабочих районах? По получении сведений о начавшихся боевых действиях, Штабы Красной Гвардии заводов № 40 и Алафузова контактируют свою работу по вооружению рабочих и фактически создают единый центр рабочего восстания. Недостающее оружие рабочие получают из Окружного Артиллерийского Склада. Ночь проходит в лихорадочной подготовке рабочих дружин, в расстановке постов и в установлении связи с 240 полком, расположенным в районе завода № 40 и с артиллерийскими казармами. Определяют свое отношение к событиям не только солдаты и рабочие. В городе производится мобилизация контр-революционных сил. На помощь юнкерам идут сотни контр-революционно настроенных учащихся ВУЗ'ов и средних школ. Их вооружают и частично используют в качестве „охраны“ города, связи и проч. Большую часть белогвардейской молодежи дает союз средних учебных заведений. Командующий войсками на помощь вызывает телеграфом школу прапорщиков гор. Чистополя, которая однако во время прибыть не успела. 26-го

октября, т. е. когда город уже находился в руках восставших, она проехала пароходом мимо Казани и расположилась в 25—30 верстах, у станции Зеленый Дол. Контр-революционные войска за ночь укрепляются на Арском поле, где роются окопы, а Ветеринарный Институт используется ими, как один из опорных пунктов, там же работает и их полевой штаб.

В ночь с 24-го на 25-ое октября делаются и попытки примирения. Со стороны восставших солдат высылаются парламентареры, с предложением командующему войсками сдать оружие Совету, дабы в дальнейшей борьбе не повредить город. От командующего войсками получен категорический отказ.

С утра 25 октября военные действия возобновляются. На стороне восставших—воодушевление, большевистское руководство и полная уверенность в победе. Казань в кольце восставших рабочих и солдат. 240 полк выделяет по одному батальону и отправляет их с разных концов на Арское поле. Железнодорожная линия на Москву—этим же полком блокируется, устанавливаются заставы вплоть до станции Юдино, бывш. Красная Горка. Поезда не

выпускаются из Казани и недопускаются в Казань. Зилантовская гора используется им, как опорный пункт района.

164-й полк вновь атакует город¹ и, после удачной атаки на казаков, охраняющих переправу через Казанку, присоединяется в 5 часов к своим на Арском поле. Центр боевых действий—по прежнему Арское поле.

Рабочий район 25 октября. С утра Заречье представляет из себя вооруженный лагерь. Сотни вооруженных рабочих, а также мусульманская рота 95 полка ведут наступление по лугам (используя плоты и склады дров, как прикрытие) на Крепость (Кремль), опорный пункт контрреволюции. На Базарной площади Ягодной слободы рабочие устанавливают 2 трехдюймовых орудия, начавших утром обстрел казарм юнкеров в Кремле, где, кстати сказать, помещался их боевой комитет.

У орудий—рабочие, бывшие солдаты. Плохое качество снарядов (они не разрывались)—заставляет рабочих временно прекратить обстрел и заменить их другими, но

¹ См. план Казани в дни Октябрьских событий 1917 г.

уже из Окружного Артиллерийского Склада. Виновник же выдачи негодных снарядов инженер завода № 40 Красильников ими арестовывается. Всего по Кремлю дано до 12 выстрелов с рядом довольно удачных попаданий. Стрельба корректируется с наблюдательного пункта, расположившегося на крыше 2-х этажного дома. Один из снарядов, попав в угловую башню вблизи Тайницких ворот, заставляет юнкеров убрать с крыши школы их наблюдательный пункт, а также очистить площадку Кремлевской стены от их миномета и пулеметов.

Из других попаданий рабочей артиллерии отметим удар в карниз колокольни благовещенского собора и удар в стену Городской Управы. Следы разрушений, заделанные при ремонте,—теперь не видны.

Зная теперь расположение и организацию борющихся сторон, мы с'умеем определить, насколько правильны были первоначальные расчеты командующего Округом, уверенно выступившего первым.

Защитники Временного Правительства могли как будто надеяться на успех. Ведь они располагают дисциплинированными юнкерами, среди которых было немало сознательных защитников буржуазии. В их руках

броневики, защищающие дамбы,—единственную связь Загечья с городом. Накануне ими разоружены артиллеристы в Каргопольских казармах. Против артиллеристов 1-го дивизиона—на Арском поле—послана верная 6 батарея Поплавского. На их стороне, наконец, сочувствие и помощь буржуазии и известной части обывателей города. К тому же они ждут удара в тыл восставшим со стороны юнкеров, вызванных из Чистополя.

Если ко всему этому прибавить разбросанность частей восставших, их трудности координировать свои действия, недостаток внутренней организованности в частях, лишившихся командного состава, то все как будто говорит действительно о преимуществах на стороне защитников Временного Правительства. Вот как, например, описывает состояние частей во время боя на Арском поле очевидец и активный участник событий тов. Милх: „Наши части были слабо организованы. Не только не было офицеров, но почти не было и унтер-офицеров. Стрельба артиллерии была самая беспорядочная. Никакого прицела не было, орудие направлялось в сторону дворца командующего, подбегал солдат дергал за запал, раздавался выстрел. В порядке сра-

жалась только одна мортирная батарея. Очень плохо было организовано дело снабжения частей. Налажено было питание только в 95-м полку. В остальных частях из-за исчезновения комсостава с пищей было весьма плохо. Многие солдаты уходили в связи с этим с места боя. Все же большое количество сохраняло боевой дух и не смотря на голод и усталость требовало продолжения борьбы до полной сдачи юнкеров¹.

Развязка. К вечеру бой стих. Юнкера и другие части контр-революции начали отход в город с позиций Арского поля под напором наступающих революционных сил. Здесь большую роль сыграл прорыв на Арское поле 164 полка². Борящиеся силы заключают перемирие до 7 часов утра 26 Октября. В Кремле, в помещении Совета ночью организуется совещание представителей обеих сторон—присутствует до 50

¹ Из воспоминаний т. Милх на собрании Московской группы участников Октябрьского переворота в гор. Казани от 30 января 1926 года. (Стенограмма речи).

² См. выше 228 стр.

человек. На совещании представлены крупнейшие заводы: № 40, Алафузовский, Крестовниковский, военные части—артиллеристы I-го и II-го дивизиона 164, 94 и 95 полки и т. п. и делегация юнкеров, явившихся на этот раз инициаторами как перемирия, так и переговоров. Заседание открывается в 3 часа утра, но до 5 часов утра юнкера упорствуют и не желают сдавать оружия, тогда как восставшие, гарантируя им жизнь, предлагают немедленно разоружиться. Тогда раздраженные солдаты предлагают прервать переговоры, дабы до начала боевых действий (7 часов утра) успеть вернуться в свои части. Напряженную обстановку совещания разряжает неожиданное для всех известие,—в Совет доставлена телеграмма из Петрограда с извещением, что там власть перешла в руки Советов. Неописуемое ликование одних и уныние других было ответом на телеграмму. Юнкера после небольшого совещания пошли на все условия восставших.

Утром 26 октября население Казани узнает о победе восставших и о новой власти из расклеенного по городу воззвания Временного Революционного Комитета, выделенного из состава ночного совещания. В го-

род вступают победители. Артиллеристы и пехотинцы с Арского поля к 12 часам проходят с музыкой. Солдаты и рабочие ликвидируют жалкие остатки вооруженной контр-революции гимназистов и студентов, оставшихся в городе на постах. Отобранное оружие юнкеров и учащихся сдается в Совет, там ими вооружают приходящих рабочих. К полдню арестуется верхушка, так называемого „Революционного Штаба“ с командующим войсками во главе. Командир 6-й батареи Финляндской бригады меньшевик подпоручик Поплавский (бывший Председатель Казанского Совета) еле спасается Ревкомом от самосуда возмущенных солдат-артиллеристов. Вечером 26 октября в здании Дворянского Собрания созывается заседание Совета с представителями от воинских частей, фабрик, заводов, где и разрешается вопрос об организации власти. На заседании избирается Ревком.

Так победоносно закончилась в Казани вооруженная схватка в Октябрьские дни рабочих и крестьян с властью буржуазии.

Пролетариат и беднейшая часть крестьянства по всей России сумели однако не только победить в осенние дни 17 года в открытом бою своего врага, но и закрепить свою

победу—организацией первого в мире и в истории пролетарского государства, упорно строящего в течение десятилетия социализм.

Казанский же рабочий при содействии крестьянства теперешней Татарской ССР должен был еще не раз выступить с оружием в руках на борьбу все с тем же врагом.

Вспомним лето и осень 1918 года.

Вспомним героическое восстание рабочих Заречья в тылу чехо-словаков.

Вспомним, наконец, те дни 1919 года, когда Колчак был на пороге Казани и как те же казанские рабочие, организованные в рабочие полки, вместе с лучшей частью крестьянства, шли на фронт защищать завоеванное в Октябрьские дни.

Современный Кремль. Кончая экскурсию мы в последний раз вернемся к Кремлю, но к Кремлю сегодняшнего дня. В старых зданиях теперь мы видим уже новое содержание. Там, где раньше веками сидела деспотическая полицейско-дворянская власть, теперь находится Центр Управления Советской Татарии. С каждым годом ее аппарат управления становится все более близким темному, забитому в про-

шлом туземцу. В здании, где ранее находился глава государственной церкви—архиерей—теперь центр просвещения Татарии—Наркомпрос. А центр гнуснейшей миссионерской деятельности — Спасо-Преображенский монастырь превращен Советской властью в Музей.

В. Жилинский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3—5
Сингалевич С. П., Экскурсии в прошлое (Методическое введение) . . .	6—23
Бушмакин М. Д., Территория старой Казани	24 38
Чернышев Е. И., Облик Казанской жизни в XVI веке	39—60
Андреевский И. Д., Архитектурный облик Казанского Кремля в XVI—XVII вв.	61—107
Адо В. И., Сююмбекина башня	108—132
Дульский П. М., Западная культура и барокко в Казани	133—160
Гинзбург Е. С., Дворянская Казань .	161—184
Хвостов В. М., Купеческая Казань . .	185—203
Жилинский В. И., Октябрь в Казани	204—235

1 ДНИ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИИ

1917c.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

ЗАВОДЫ АКТИВНЫЕ УЧАСТ. ВОССТАНИЯ.

БЕРУЩИХ ВОССТАВШИХ:

СОВЕТ Р.С. И К. ДЕПУТАТОВ

цели восставших рабочих.

ЦЕЛИ ВОЕВ. СОЛДАТ — — — А-РЭВ.

ВОИНСКИЕ ВОССТ — — — К-РЕВ.

ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ ВОССТ.— К. РЕВ.

РЯКОВОД. ЦЕНТРЫ ВОССТ. — — К: РЕВ.

АНТИФЕРИЯ ВОССТ. — " — " — К. ФЕВ

наблюдательные пункт, 80555 - 1-К.-РЕВ

சுருஷ்யதநித ௨ 1 பக்கம் 310 ரூ

2007 年 12 月 15 日